„ХРИСТИАНИН“

ДЛЯ ВСЕХ ИЩУЩИХ ИСТИНУ И ЛЮБЯЩИХ ГОСПОДА

№ 4 | 1927 год | № 4

ТЕКСТ: 1) Воскресение.—Стих. *И. С. П.* 2) Незабвенный час.—Проповедь *Ч. Спёрджена.* 3) Он воскрес.—Стих. *П. В.* 4) Помню я дивное утро.—Стих. *И. Я.* 5) Благословения воскресшего.—Статья *А. Карева.* 6) Он умер и воскрес.—Стих. *В. С.* 7) Будущее.—*М. В. С.* 8) Три часа и три дня (Евангельский этюд).—*Надежда Н.* 9) Христос воскрес.—Стих. *Ек. Шостенко.* 10) Торжество истины.—*С. И. Е.* 11) Тихие беседы о молитве. Ч. II.—*С. Гордона.* 12) Безумие Соломона.—Проповедь *Ф. Кулена.* 13) Сокрытые жертвы.—*Е. Р.* 14) К изучению Библии.—Из *Д. Мооди.* 15) Экзегетика.—Толкование книги Бытия.—*В. И. Быкова.* 16) Насущная нужда в книге откровения.—*Ад. Сефайра.* 17) О Боге. *И. К. С.* 18) Краткое библейское чтение.—*Откровение.* 19) Солнечные лучи.—*А. Ш-о.* 20) Радостное письмо.—*И. С. П.* 17) Письмо.—*М. Корфа.* 18) Чуваши.—*В. Ш.* 19) Сообщения с мест.
ДУХОВНЫЕ ГИМНЫ: Пер. *Н. А. К.* Музыка *K. Grünholzer.* ФОТОГРАФИЯ: стр. 4.

Воскресение.

„... будто жив, но ты мертв“—Откр. 3, 1.

Я был жив, но дух унылый
Был тоскою угнетен;
Как мертвец—землей могилы,
Был он плотью погребен.

Чужд небесных вдохновений,
Чужд мольбы и Божьих дел,
Раб греховных помышлений,
Он, как будто тленный, тлел.

Много раз о воскресеньи
Весть благую слышал он;
Но в печали и сомненьи
Он вкушал холодный сон...

Но явился в день воскресный
Образ дивной красоты
И раздался глас небесный
„Я воскрес, воскресни ты!“

И, как Лазарь, пленник тленья,
Дух мой страждущий ожил,
И хвалою воскресенья
Свод небесный огласил.

И. С. П.

НЕЗАБВЕННЫЙ ЧАС.

Ч. Спёрджен.

„Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха". — 1 Иоан. 1, 7.

Будем прославлять Господа всякий день за то, что гнев Его миновал нас; будем непрестанно вспоминать соделавшую это жертву Христову: Господь Иисус теперь—спасение наше, сила наша; будем славить Его до конца жизни.

Вдумаемся в глубокий смысл этих слов: „Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха". В них заключается вся сущность вечной гармонии, потому что в них мы вспоминаем час, нами некогда пережитый, час, настолько превосходящий своею ценностью все то, что когда-либо пережито нами, насколько золото превосходит изгарь.

Как ночь Пасхи, которую совершили Израильтяне при исходе из Египта, должна была вспоминаться ими вечно; как ее воспевали псалмопевцы, почерпая в воспоминании о ней все новые силы, всё новые причины возносить хвалу Богу—так и нам, всем людям земли, должен быть вечно памятным, вечно святым — день нашего избавления от тяготевшей над нами вины, тот незабвенный день, когда мы получили оправдание в Господе Иисусе.

Прочие дни нашей жизни смешались у нас в памяти с последующими днями, и воспоминания о них постепенно побледнели и изгладились, как изображения и надписи на ходячих монетах; но воспоминание об **этом** дне всегда ново, всегда ярко, и происшедшее в этот день нам кажется случившимся только вчера; так поражает своей отчетливостью только-что отчеканенная монета. Из памяти рискуют исчезнуть многие события нашей жизни, в настоящее время ею тщательно хранимые, но никогда, даже в последние минуты жизни, не утратятся воспоминания о неизреченно-блаженном часе искупления духа нашего.

Освобожденный от каторги преступник может, пожалуй, забыть день, в который кандалы его с грохотом спали с него; прощенному изменнику быть-может случается забыть минуту, когда угрожавшая ему казнь была отменена, благодаря полученному им прощению; утопавший моряк не помнит, может-быть, момента, в который дружеская рука не дала ему погрузиться в глубину моря; но забыть тот час, когда грех наш был прощен, когда мы получили полное оправдание—мы не можем. Как могли бы мы забыть его! Эта блаженная минута будет вечно стоять воспоминанием в душе человека, потому что с нее началась ее бессмертная жизнь, ее вечное существование.

Всякий день имеет своего, нас охраняющего, ангела; но в тот день, как Иакова в Вефиле, целые воинства ангелов встретили нас. Солнце всходило всякий день; но в то достопамятное утро оно сияло для нас в тысячи раз ярче обыкновенного. Небесными днями на земле, годами бессмертия, золотыми веками показались нам часы пережитого нами блаженного дня. Божественным восторгом, неизреченным счастьем была полна душа наша. Страх, огорчения, скорбь со всеми ее терзаниями — все исчезло; полная радость и довольство заменили былые печали. Подобно теням, рассеивающимся при в сходе солнца, разлетелись все наши мрачные предчувствия, и дивным светом залила благодать наше сердце.

„Вот, зима уже прошла; дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!“ (Песни Песн. 2, 11—13). Заложенные в нас Богом дремавшие силы пробудились, как пробуждается весною виноградная лоза, и покрывается листьями, цветами, и приносит чудесный обильный плод.

Вся душа наша трепетала от радости; совесть одобряла наше настроение; правосудие согласилось признать законную силу нами обретенного оправдания; надежда рисовала нам святые картины в будущем, воображение же неудержимо несло нас ввысь на своих, освобожденных от земных уз, волшебных крыльях.

Душа наша похожа была на город, роскошно иллюминованный, ни один переулок, ни одно самое пустынное предместье которого было бы не залито потоками праздничного освещения.

Ликованьем было наполнено наше сердце, всюду слышалась веселая музыка, вся душа была наполнена ароматом цветов. Она изнемогала от счастья, — так готово разорвать мех заключенное в нем молодое вино. В душе нашей вмещалось столько неба, сколько вообще земля способна в себя вместить начала бесконечного. Подобно невесте, душа наша облеклась в свадебный наряд, равного которому не было ничего, — так он был прекрасен. Ночью ангелы пели нам: „Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение“; утром, просыпаясь, и припоминая слышанные нами во сне мелодии, мы сами вторили им. Мы чувствовали себя, как в раю, жили как бы в кущах, обвитых самыми редкими пахучими травами; мы упивались нектаром, нам приготовленным в золотых кубках, насыщались сладкими плодами, принесенными нам в серебряных корзинах.

Прежде жизнь наша проходила в стонах и вздохах; теперь она благоухала счастьем; прошлое, настоящее, будущее—как три родные сестры—радовали нас, как легкокрылые птицы, весело носились вокруг нас. Мы открыли настоящий „философский камень“ алхимиков, все в нашей душе превративший в чистое золото. Мы сделались богатыми, овладели несметным сокровищем; потому что Христос сделался „уделом“ нашим и мы вступили „в сонаследие с Ним“.

Также и тело наше, до сих пор являвшееся бременем и темницею для нашего духа, сделалось теперь деятельным участником нашего духовного обновления. В глазах наших заблистало счастье; уста исполнились хвалой; сладкая мелодия зазвучала в ушах наших. Мы с трудом могли сдержать свой восторг. Подобно играющим в солнечных лучах насекомым, подобно гоняющимся друг за другом рыбкам, мы готовы были чуть ли не прыгать от радости. Если нам нездоровилось—ощущение счастья смягчало боль; если мы себя чувствовали слабыми—сознание нашего блаженства обновляло наши силы. Всякая „сокрушенная кость“ прославляла Бога; поврежденное в духовной борьбе „бедро“ возносило Ему хвалу; вся плоть наша успокаивалась в Нем. Все чувства проникнуты радостью и возносили Богу славу. Как игла компаса всегда направлена к полюсу, так трепещущий от радости дух наш был направлен к Нему, и успокоился в Нем. Мы не думали о будущем, не искали утешения в надежде, потому что настоящая минута вполне удовлетворяла нас: Христос и спасение Его с избытком наполняли все существо наше.

Вся природа, казалось, сочувствовала нам. Мы шли вперед „с веселием“ и были провожаемы „с миром“; горы и холмы пели пред нами

песнь, и все дерева в поле рукоплескали нам. Пажити, потоки вод, небо, воздух, солнце, звезды, стада, птицы, рыбы, даже камни, казалось, разделяли нашу радость. Они все были участниками хора, мы же регентами его; по мановению руки нашей сладкая мелодия наполняла весь нас окружавший мир чарующими звуками.

Быть может новое рождение наше случилось среди **зимы,** когда снежный покров окутывал белым саваном замерзшую землю; но снежная белизна вполне соответствовала праздничному настроению нашего духа. Земля, погребенная под белоснежной пеленой, напоминала нам покрытие грехов наших — праведностью Господа Иисуса. Деревья, разукрашенные причудливыми узорами инея, казалось, вычеканили блестящие звезды, чтобы освещать нас; даже порывы ледяного ветра служили нам олицетворением силы, удалившей от нас грехи наши так далеко, как далек восток от запада. Никогда зима не казалась нам менее похожей на зиму, как в тот незабвенный год. Благодать влагала в уста наши радостную песнь о том, что в других вызывало лишь ропот.

Или, быть может, мы начали любить нашего славного Искупителя **в весеннюю пору?** В таком случае наш оживотворенный дух находил все, нас окружавшее, точной копией с того, что наполняло его. Ведь и мы, подобно цветам, вышли на свет Божий, точно из могил; подобно дальновидным птицам, ожидающим наступление теплых дней, мы пели хвалебные гимны обетования; освобожденные от рабства греха мы, как журчащие ручьи, вырвавшиеся весной на свободу, радостно неслись вперед. Деревья покрывались нежной листвой и простирали к небу свои ветки; так и мы тянулись всем существом нашим к Богу, простирая к Нему руки, подставляя себя горячим, ярким лучам Его любви. Глядя на стада, вышедшие в поле, вспоминали мы о нашем „Пастыре Добром". Когда лил дождь— мы благословляли его, как эмблему Того, Кто нисходит, как „дождь на скошенный луг"; а смеющееся солнце говорило нам о Том Солнце, Которое дает жизнь и исцеление всему живущему.

Как земля приготовлялась к торжественной встрече лета, так готовились мы тогда к грядущим дням счастья и духовной зрелости. Все в природе согласовалось с нашим внутренним миром, как будто-бы вся она обратилась в сшитый искусною рукою наряд, вполне подходящий для всех частей нашей возрожденной души. Мы были безмерно счастливы. Сердце наше возвещало наступление брачного пира Агнца, и весь мир наполнен был для нас звуками радостного торжества. Мы ликовали, а природа восклицала: „Дитя, дай мне руку, будем веселиться вместе, потому что и я ликую о том, что великий Господь мой снял с меня мои зимние оковы. Пойдем вместе: будем вместе радоваться и ликовать о Господе".

Если достойные плоды покаяния принесены были нами л е т о м, тогда мы, точно растение, пересаженное в сад Господень в то время года, когда почва изобиловала силой, — впитываем в себя духовные силы, исходящие из Единого Источника сил. И темно-синее небо, нас тогда осенявшее, было как бы все соткано из славословий Господу нашему. А когда радуга прорезала свод небесный, мы видели в ней знак вечного завета, заключенного с нами Тем, Кто хранит верность Свою из рода в род; если мы видели, как от реки по вечерам поднимается пар, как дым кадильный, и возносится к небу — мы возносили хвалебный гимн наш, чтобы и он поднялся, как фимиам, к престолу Бога. Когда прозрачные капли росы сверкали на груди зарождающегося утра, вновь возрожденное Божественной росою сердце наше радовалось

родственной ему красоте их; когда же легкое дуновение ветра нам приносило благоухание полей, мы к нему присоединяли духовное благоухание — произнося имя Господа Иисуса. У моря нам казалось, что волны его несут благословения Божии к ногам нашим; если случалось нам укрыться от полдневного жара в расселине скалы, или утолить жажду водою источника—все заставляло дух наш возноситься к небу, чтобы созерцать Господа, нашего Искупителя, отражение Которого теперь проявлялось для нас во всякой картине природы.

Все раньше пережитые летние месяцы казались нам зимою в сравнении с этим летом; потому что в душе нашей теперь цвели розы, в ней сияло солнце и созревали плоды; в мыслях наших создавались песни; сердечной теплотой, горячей любовью исполнились наши чувства. До сих пор мы не чувствовали всей красоты величия мира сего, потому что не знали, что он принадлежит Отцу нашему и нам самим, как детям Его; теперь же мы смотрели на него как бы с высоты, и смотрели взором наследника, вступившего в права наследства своего, глазами властелина, пред которым расстилается вся ширь ему принадлежащих с этой минуты владений.

Блаженное состояние духа! Первое наследие человека, утраченное им благодаря греху, благодатию Божиею снова становится нашим, и душа наша создает все совершенство его.

Непередаваемый словами восторг наполняет дух наш. Мир этот — большой музыкальный ящик, и только тот, кто имеет ключ от него, может заставить его играть дивные мелодии, в то время, как прочие люди только с удивлением спрашивают себя: откуда льются эти торжественные аккорды? Природа — колоссальной величины орган, и слабые пальцы человека могут вызвать из него громогласные звуки; но органиста обыкновенно у инструмента не видно, и мир не ведает, каким путем рождается столь величественная музыка.

Лето облекает землю в царственное одеяние; и если в сердце у нас настроение — летнее, оно особенно сможет прочувствовать всю красоту природы, которая так гармонирует с тем, что переживает теперь душа.

Если мы осенью нашли Господа, тогда спелый плод осенний нам особенно кажется сладок. Желтый наряд, облекающий осенью природу, кажется нам сделанным из червонного золота. Как осень утоляет голод человека плодами своими, так радуемся мы, что голод и жажда наши были удовлетворены плодом древа жизни. Убранная жатва заставляет радостно биться сердца наши, и сопровождающие сбор винограда песни находят радостный отклик в душе нашей.

Все времена года одинаково прекрасны для того, кто научился видеть стези Творца во всех жизненных путях, кто принял дар благодати в сердце свое, кто славит день своего возрождения. Не существует на земле ни камня, ни насекомого, ни сухой палки, ни пресмыкающего гада, которые не заставляли бы человека восхвалять Бога, если душа его проникнута сознанием вездесущия Божия.

Одно единственное слово прощения Господа, слово полного оправдания, наполнило сладкой мелодией весь мир, подобно тому, как труба архангела вольет жизнь во всех умерших. Капли искупительной Крови оживили все краски природы, подобно тому, как восход солнца заливает сиянием землю, которая без него была бы лишь огромным темным пятном.

Вдвойне для нас дорогими становятся все дары природы с той минуты, что свет Христов освещает нас. Хлеб, который мы едим,

делается для нас едва ли не таким святым, как хлеб нами вкушаемый в воспоминание смерти Христовой; всякая трапеза делается святою, всякий сон сопровождается видениями Иакова; наша одежда делается ризами священными, наш дом—храмом.

Мы, быть-может, люди бедные; но когда Господь Иисус входит в наше сердце, Он посыпает стези Свои золотым песком, и там, где прежде росли на кровле сорные травы, Он сажает чудные цветы духовного довольства. Мы так счастливы в своем скромном положении благодаря обретенной нами духовной свободы, что не завидуем царским венцам князей земли, и все богатства великих мира сего не променяли бы мы на то место, где Господь благоволит пребывать с нами.

Благословенный день! Память наша снова возвращается к нему — самое воспоминание о нем радостно для нас. Много дней прошло с тех пор; но подобно тому, как одна капля воды освежает верблюда, давая ему силу пройти целую милю по знойной степи, так и счастливый, пережитый нами некогда, час до сих пор радует нас. Он был для нас началом небесных дней, первородным среди всех утренних часов, пророком, предвестившим грядущие благословения; погребением всех страхов, днем рождения надежды, часом вступления в завет со Христом, днем Господним и днем благодатного милосердия: где взять нам уменье воспеть радость, возжигающую пламень в душе нашей при воспоминании об этом дне! Еслиб научились мы воздать достойную хвалу Соделавшему день этот таким знаменательным для нас!

Если бы спросили нас: что так выделило этот день из числа всех дней нашей жизни? — ответ наш не заставил бы себя ждать: мы были тогда избавлены от рабства греха, освобождены от угрызений совести, искуплены от возмездия закона, мы избегли порабощения природной испорченности нашей; смерть исчезла пред животворным действием Духа Святого; духовная нищета обогатилась бесконечными сокровищами благодати, и духовный голод насытился благами небесными. До тех пор нагие, мы облеклись в царственные ризы; нечистые — мы омылись Кровию Христовою; больные—мы получили немедленное исцеление; пребывавшие в отчаянии — мы исполнились радостью неизреченною. Спроси женщину, обретшую исцеление от прикосновения к краю одежды Христа; спроси исцеленного Господом бесноватого или хромого, который в день своего исцеления навсегда отбросил костыль... Все они засвидетельствуют тебе о радости, наполнявшей их сердца, говоря: „Смотри на нас, прохожий, и отгадай причину нашей хвалебной песни. Один здоровый вид наш уже ответит тебе".

„Он сказал, и сделалось; Он повелел, и явилось" (Пс. 32, 9). — „Сказал Бог: да будет свет; и стал свет" (Быт. 1, 3). В безмерности любви Своей и в полноте Своей силы Он прошел около нас, и даровал нам жизнь. Как выразить словами то, что мы прочли во взгляде Его? Он был прекраснее сынов человеческих, привлекательнее всякого волшебного сновидения, и Он открылся нам.

Беспомощно лежали мы у вод дома милосердия, изнемогая от душевных страданий, потому что никого не было, кто бы нас опустил в ту „воду", дающую исцеление. Но любовь Его не дремала: Он сказал: „Возьми постель твою, и иди". Нет у нас достаточно голоса, не хватает сил, чтобы вознести Ему хотя бы малую частицу Ему подобающей хвалы. Величественные хвалебные гимны ангелов—и те слабы, ничтожны, чтобы воздать достойную славу нашему дивному Господу Иисусу! Для этого нужны ноты, которых не в силах взять даже ангель-

ские голоса, нужны аккорды, которых не могут издавать даже их сладкозвучные арфы.

Только Христос Один способен прославить Себя, как подобает. Он, и только Он Один, знает глубину любви, наполняющей Его истекшее кровью сердце, той любви, безмерной силой которой мы насладились в блаженный день нашего искупления. Он, и только Он Один, вполне постигает дивный факт, что мы спасены, и что навеки похоронены все наши страхи. Он Один может засвидетельствовать о том, что́ Сам сотворил.

Что же касается нас, мы чувствуем себя как бы во сне вознесенными на высоту, над землею: „Когда возвращал Господь плен Сиона, мы были как бы видящие во сне; тогда уста наши были полны веселия, и язык наш—пения“ (Пс. 125, 1—2). Он, Свет наш, возжег светильник, просветивший тьму нашу; мы были „посажены на небесах“ (Ефес. 2, 6); душа наша сделала нас подобными колесницам Аминадава (2 Цар. 6, 3). Наша радость казалась нам чудесным сном, благодать Божия просто уничтожила нас. В изумлении, подавленные величием любви Христовой мы восклицали: „Кто я, Господи, Господи, и что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил!“ (2 Цар. 7, 18). Одежда наша еще была пропитана затхлым запахом, наполнявшим темную, ненавистную темницу, из которой мы были выведены. Подобно только-что выброшенному из чрева кита Ионе, мы готовы были на всякое служение, которое Господу будет благоугодно на нас возложить; мы были счастливы, что освободились живыми от „основания гор“, где „земля своими запорами“, грозила „навек заградить нас“ (Ион. 2, 7). Никогда не вылетал, уносясь к небесам, жаворонок из своей клетки с такой стремительностью, с какой спешили мы выйти на свободу из когтей рабства; быстроногая серна никогда не носилась по холмам с такой легкостью, с какою неслись к небесам наши сердца, когда Христос отпустил их на свободу. Мы почти готовы были бы снова пройти тот прежний тяжелый путь, только чтобы иметь случай снова воспеть победоносную песнь о том, как вся бездна грехов наших была ввергнута в пучину океана забвения, чтобы снова упиться водой живой из „двенадцати источников“ вод Елима и насладиться тенью его „семидесяти финиковых пальм“ (Исх. 15, 27).

Как дорого нам место нашей встречи с Господом Иисусом! Как дорог нам час, в который мы подошли к ногам Его, когда драгоценные уста Его произнесли заветное слово, нам даровавшее свободу! Всякий день с тех пор, полные любви и бесконечной благодарности, говорим мы от глубины души: „Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков! Аминь“.

Хотелось бы обладать красноречием, иметь гений поэта, чтобы изобразить все те чувства, которые заливают восторгом, переполняют душу! Слабы наши слова! Только Господь Один увидит, что́ творится в душе человека в такие минуты!

В заключение приведем рассказ одного новообращенного, свидетельствующий о чудном переходе из мрачной тьмы неверия в сменивший ее неизреченный свет. Мы заимствуем его из интересного и назидательного сочинения „Борьба за жизнь“.

После слышания удивительной по силе убедительности проповеди, человек этот возвращается, под ее впечатлением, домой: „Я ни с кем не заговаривал, пока шел и не смел поднять глаз; мне так и казалось, что земля должна разверзнуться надо мной и поглотить меня. Сму-

щение, наполнявшее мою душу, не поддается описанию. Я проскользнул в свою комнату, запер дверь на ключ и бросился на колени; но слов не находил. Молиться не мог. От волнения я весь горел, как в лихорадке. Не знаю, сколько времени простоял я на коленях; к счастью, эта ужасная агония мыслей продолжалась недолго,—иначе я умер бы. Прошло несколько часов, которые показались мне целыми годами; в эти часы я как бы стоял пред судилищем, не произнося ни слова во все время обсуждения моего дела. Если бы спасение зависело от произнесения мною одного лишь слова, то и тогда я не мог бы ничего сказать. Но Тот, Кто меня поразил, меня и исцелил. Как бы медленно выступая из глубины сознания, зазвучали в сердце моем незабвенные слова: „Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха".

Часто читал и слышал я эти слова, но теперь они поразили меня своей новизной. Я вслушался в них, поверил им, полюбил их, и принял их в свою душу.

Кризис миновал. Потоки слез полились из глаз; язык мой вновь получил дар слова. Я помолился, и это была первая моя настоящая молитва в жизни.

В течение трех последующих дней великая радость наполняла мое сердце. Небеса со всеми их блаженными обитателями и с славным Царем их, казались мне отверзтыми. Мне представлялся Его взгляд, устремленный на меня и исполненный сострадания, взгляд Господа Иисуса, Спасителя, навеки меня осчастливившего.

Мир и все мирское потеряли всякую цену в моих глазах. Поведение нечестивых вызывало во мне только чувство скорби и сострадания. Я увидел все в другом свете: мне страстно захотелось отправиться в языческие земли, чтобы я мог принести благую весть идолопоклонникам. Мне хотелось всем и каждому рассказывать о чудной моей находке, и я был уверен, что стóит мне только открыть рот, и всякий убедится в бесконечной благости Христа и в безграничной ценности спасения Его. Я понял, что все мои страхи прошли, что впереди меня ожидают та же радость и тот же святой мир, который теперь наполнил мое сердце".

Конечно, не всегда и не все испытывают при обращении своем именно такие чувства; но бóльшая часть искупленных Божиих сознается, что нечто подобное, в смысле духовного опыта, всегда составляет удел, стезю праведного; а может быть найдутся и такие, которые, прочтя это описание обращения человека, порадуются, найдя в нем изображение того, что сами они испытывают в настоящую минуту.

Милосердный Бог да приведет каждого из нас в эту страну мира, в эти чудесные чертоги, в обитель блаженства! Аминь.

К необращенному читателю.

Друг, тебя удивляет все, тобою прочитанное: оно кажется тебе фантазией, сказкой. Ты понятия не имеешь о такого рода радости? Это источник, из которого ты никогда не почерпнул ни капли воды живой? Как многого лишаешься ты, не принося Богу раскаяния, и как жалки те земные выгоды и радости, которыми ты пользуешься в ожидании грядущей гибели! Не мыльные ли пузыри все твои мирские утехи? Что все твои удовольствия, как не сладкий яд? Самое высшее твое земное

счастье—только обманчивое сновидение ночи. О, еслиб ты умел отличать истинное от подделки, подлинник от копии! Одна капля благоразумной рассудительности доказала бы тебе превосходство духовных радостей над всеми земными наслаждениями.

Ты не настолько лишен здравого смысла, чтобы не понимать, как непохожи лучшие твои земные радости на те чудные ощущения, которые переживает человек, получивший прощение грехов. Ты ведь не решишься приравнять самое сладкое вино свое с тем „вином" небесным, которое напояет прощенного Богом грешника; или свою любимую мелодию—к тем торжественным звукам музыки, которая раздается в доме отца „блудного сына", когда тот возвратился в „дом отчий".

Ответь мне, умоляю тебя, на два вопроса: какая тебе польза грешить пред лицом Божиим? и—какая тебе будет польза от того, что ты приобретешь весь мир, а душе своей повредишь?

Небольшое число греховных земных развлечений разве вознаградит тебя за безграничное число вечных терзаний? Мимолетное солнечное сияние, которое видишь ты теперь, разве тебя утешит во время пребывания в вечном мраке? Смягчат ли твое жесткое ложе будущих страданий земное твое благополучие, почести, все то, чем ты тщеславишься и что любишь на земле?—Без Христа ожидает тебя вечная духовная тьма..

Неужели ты не изберешь свет?

---

* * *

Он воскрес — и Собою всем жизнь подарил,
Цепи рабства греха разорвал,
Тьму греха Он божественным светом залил,
И спасение всем даровал!
Будем радостны все: спасены мы Христом,
Спасены Его Кровью святой!
И пойдем, и расскажем мы людям о том,
Что и их Он спасает Собой.

П. В.

* * *

„Яви нам свет лица Твоего"—Пс. 4, 7.

Помню я дивное утро...
Мы праздник встречали тогда.
На востоке **в канве перламутра**
Догорала рассвета звезда.

Этот день мы и прежде встречали
С нежным трепетом ясной души;
И теперь—те же миги настали...
Эти встречи,—вы так хороши!

Сколько весен мне помнится в жизни,—
И всегда—этот светлый прилив!
В сердце снова **пасхальностью** брызнет,
И я буду, как прежде, счастлив.

Ты воскрес! И с тех пор это чудо
Мы приветствуем, славим, поем;
Пусть другие молчат, как Иуда,—
Мы поем о величьи Твоем!

Над житейским бушующим долом,
Где так часто спускается мрак,—
С лучезарным Твоим ореолом
Ты воздвиг юбилейный маяк.

Мир поверил подкупленным стражам
И - смеется... Ну чтож из того?
Мы сегодня всем людям расскажем
О сияньи лица Твоего!

Мы все счастье юдольных исканий
Обретем у Тебя Иисус;
С каждым годом нам ближе, желанней
Твой воскресный и вечный союз.

Призови с вавилонского торга
Многих душ к воссиявшей любви!
В этот день неземного восторга
Ты умершее вновь оживи!

И. Я

БЛАГОСЛОВЕНИЯ ВОСКРЕСШЕГО.

„Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас". Деян. 3, 26.

Христос, после воскресения Своего, в течение сорока дней являлся ученикам (Деян. 1, 3). Воскресший нес им Свои благословения. В благословениях Его нуждаемся и мы. Воскресший Иисус **удовлетворит** твою нужду, читатель. О, если бы каждый из **нас имел с Ним** встречу сегодня! Соприкосновение с Ним—полно **благословений**. Посмотрим, как Он был послан Отцом **благословить друзей** Своих.

* * *

— „Радуйтесь"!—вот пасхальный привет Иисуса (Матф. 28, 9). И к кому Он с ним обратился? К женщинам, только что пережившим скорбь погоебения. Ведь это они чутким сердцем рыдали на Голгофе. Там, на кресте, умирал их Друг, любимый, единственный Друг и Учитель. Это они погребли Его... Это они на рассвете первого дня недели пришли ко гробу. Печаль наполняла их сердца. Печаль, которая постигает каждого, кто потерял свое самое дорогое в мире. Воскресший спешит к ним с приветом:—**радуйтесь!**

Это благословение для о п е ч а л е н н ы х. Да, для опечаленных. Не один ли ты из них? У тебя тоже дрожит слеза на ланите. Милый, опечаленный друг—р а д у й с я! **Христос воскрес!** Светлый день настал и для тебя. Рука, пронзенная на Голгофе, протягивается к тебе, чтобы осушить т в о и слезы. Помнишь, как рыдала вдова, идя за гробом своего единственного сына? И как Иисус ей сказал: „Не плачь" (Лук. 7, 13)? Так Он тебе говорит: не плачь! Он предлагает тебе сегодня Свою дружбу. А она заменит твою утрату.

„Отец, дай мне то, что не умирает",—просила маленькая девочка своего отца. Дело в том, что отец подарил ей несколько живых существ: собаку, котенка, канарейку. Но эти животные, одно за другим, околели. И девочка, в слезах, просит отца подарить ей то, что не умирает.

Друзья мои! Отец небесный подарил человечеству то, что никогда не умирает. Своего вечно живущего Сына, Иисуса Христа. Однажды Он умер на Голгофе за нас, но теперь—жив во веки веков (Откр. 1, 18). Он—близок к нам, ближе, чем кто бы то ни было из людей. Зачем же п е ч а л и т ь с я?

* * *

Дорога в Еммаус. Два путника идут ею. Что переживают их души?.. Они потеряли надежду. В результате—равнодушие, упадок духа, холодное сердце.—„А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля" (Лук. 24, 21)—вот их душевное состояние. К этим потухшим светильникам спешит Воскресший Иисус, с горящим факелом Своей любви. Он ободряет их, упавших духом, Он зажигает их сердца новым огнем. Они чувствовали это о г н е н н о е прикосновение Воскресшего.—„Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге..." (Лук. 24, 32).

Ах, если бы нам Воскресший Христос принес это пламя в сердце. Как ужасна эта половинчатость во всем: эта полувера, полурадость,

полужертва. Дряблое, хилое христианство. Лучше совсем быть холодным, чем нести миру такое жалкое христианство. А его несут тысячи верующих. Не удивительно, что мир отворачивается от такого скучного для него Христа. Нет, друзья, не дадим на поругание нашего славного Господа. Он—огонь! (Евр. 12, 29). Все, от чего веет теплотой, Ему противно (Откров. 3, 16). О, если бы и мы возненавидели свою половинчатость. Как хотелось бы встретиться с Воскресшим, чтобы загорелось сердце новым огнем. А этот огонь—величайшее благословение!

* * *

Накрепко запертая горница. Запертая из опасения от Иудеев. Ученики Иисуса собрались в ней. Сердце их—взволнованное море: „отвне—нападения, внутри—страхи (2 Кор. 7, 5)". Где Тот, Который когда то там, на Тивериадском озере, усмирил бурю? Он почил на кресте. Кто теперь успокоит бурю их души?—Знакомое всем нам переживание. Но вот Он—среди них. В точности так, как тогда среди бурного Галилейского моря.

Снова звучит Его твердый голос:—**„Мир вам",** и еще раз: **„мир вам"** (Иоан. 20, 19—21). Лучшего подарка Воскресший не мог им принести. Именно в мире, в успокоении они нуждались больше всего. Какое это было для них благословение!

А ты, дорогой читатель, что сейчас переживаешь? Твое состояние я опишу словами: „Страшно бушует житейское море, сильные волны кидают ладью"... Разве это не так? Сильные волны—волны забот, разных страхов и опасений... Что то будет завтра, после завтра? Как жить, как существовать? Трудности все растут и растут. Высокой стеной встали они у тебя на пути и скрыли солнышко и ясное лазурное небо. Как дальше итти? Сердце накрепко закрыли эти заботы и страхи, и кажется ни один луч с небесных высот не проникнет туда. Но позволь мне утешить тебя: Христос придет к тебе через закрытые двери! Что для Него твои заботы, и страхи, и опасения? Ничто! Он придет и скажет твоему бедному, измученному сердцу:—**мир, мир!** И оно успокоится и настанет великая тишина.

* * *

Из 1 Кор. 15, 5 мы узнаём, что Воскресший Иисус явился также Кифе, то-есть Петру. Петр, как никто другой, нуждался в личной встрече со своим Господом. Он нанес очень глубокую рану своему Учителю. И мне кажется, что теперь, когда он встретился с Воскресшим, он снова заплакал. Он вспомнил костер и постыдное отречение... Но Иисус ему явился не для того, чтобы упрекнуть его, но чтобы все простить и навсегда простить. Какое это было благословение для Петра! С тех пор, как он пал, его ничто не радовало. Никто не мог утешить его в его горе. Только Христос, перед Которым он был виновен, мог удалить его печаль. И Он пришел удалить ее, вырвать ее с корнем из сердца своего дорогого ученика. Грех был достаточно оплакан, а главное—за него была пролита святая Кровь. И Петр просиял: он получил полное прощение от Воскресшего Господа!

Друг мой, ты ничем не оскорбил твоего Господа?

О, твой внешний облик говорит о том, что ты в этом повинен. Чем ты Его опечалил? И опечалив Его, лишил и себя радости. И не

вернется она, эта радость, к тебе, пока ты не встретишься с Воскресшим Иисусом. Без встречи с Ним ты не будешь прощен. Не откладывай этой благословенной для тебя встречи. Чем скорее, тем лучше!

Прочтя эти строки, преклони свои колена перед Ним, и оплачь свое падение так, как оплакал Петр свое. И благословение Воскресшего Господа будет твоим достоянием: Он простит и т е б я!

„Хоть ты малодушно Ему изменял,
Не для осужденья Тебя Он восстал...
Он грех твой простил и навеки забыл,
И путь тебе к жизни блаженной открыл".

А. Карев.

ОН УМЕР И ВОСКРЕС!

Он умер... Нет Того уж с нами,
Кто нам открыл небесный свет,
И снова жизни грозными волнами
Носимы мы над бездной тьмы и бед.

О, как ничтожно, низко все земное
Пред светлой истиной учения Того,
Кто дал постичь нам счастие святое,
Любовь великую, и правду, и добро.

Он дал нам новые и светлые заветы,—
Вся наша жизнь проникнута лишь Им,
И, вспомнив все Его великие обеты,
Пойдем, умрем мы вместе с Ним!—

Так в горе и смятенье рассуждали
Свидетели распятого Христа;
Они слова Его святые забывали
Пред грозною картиною креста.

А Он? — Измученный, истерзанный врагами
В ужасной, жуткой ночи тишине,
Один, оставленный любимыми друзьями,
Кончал земную жизнь в позоре на кресте...

„Свершилось!" — То святое слово
Из уст Страдальца тихо сорвалось;
Но грозною и мощною волною
Над грешною землею к небу понеслось.

И потряслись, и дрогнули земли основы,
Завеса в храме вся разодралась,
Когда окончились страдания Христовы
И миссия Его великая сбылась.

Он снят был со креста любимыми друзьями,
И тело было в гроб положено Его;
И стража там была поставлена врагами,
Чтоб не было украдено оно.

На землю ночь покров свой опустила,
Забылось все спокойным, тихим сном;
И лишь небесные, далекие светила
Сияли трепетно в молчании ночном.

Но вот ночная тьма сияньем озарилась—
Посланник Бога с неба прилетел;
Плита у входа с шумом отвалилась,
И гроб Христа мгновенно опустел.

Вся стража пала ниц, и глаз поднять не смела
На светлого посланника небес;
А с уст его благая весть летела:
„Христос воскрес! Христос воскрес!"

„Христос воскрес!" — ответила природа
Тот чудный звук понесся в высоту;
„Христос воскрес!" — услышали у гроба
Пришедшие отдать последний долг Христу.

Та весть быстрее молнии помчалась
От сердца к сердцу любящих Христа,
И мощною волною разливалась,
И ширилась, и рвалась в небеса!...

Прошли века. Но радость та и ныне
Вливается в счастливые сердца,
Постигших счастие в Предвечном Сыне
Великого и Вечного Отца.

В. С.

БУДУЩЕЕ.

М. В. С.

„... И говорят между собой: кто отвалит нам камень от двери гроба?" (Марк. 16, 3). Камень этот был большой и тяжелый, и совершенно заграждал вход в пещеру. Женам-мироносицам не под силу было сдвинуть его...

На рассвете первого дня женщины эти шли туда, и в тревоге говорили одна другой: кто бы мог помочь нам? кто отвалит нам тяжелый камень?

И вот—великий урок, который нам тут дается: никогда не надо мучиться заранее, думая о трудностях, которые **могут** нам предстоять. Никогда не надо встречать на полпути те горести, которые еще и не дошли до нас. Множество наших опасений совсем и не осуществляются, так что мы совершенно напрасно воображали их себе, и волновались. Нас пугали мрачные призраки, которые так и не обратились в действительность. А между тем, если мы наполняем неизвестное нам будущее всякими страхами,—мы легко можем проглядеть то хорошее, что у нас в настоящем. При том же, воображая себе могущие случиться ужасы, мы, все равно, бессильны предотвратить их, потому что—как же бороться с тем, что еще не проявилось видимым образом? И с этими страхами нашими мы будем одни, без помощи Бога, ибо Он не станет сопровождать нас в область фантастических призраков.

Жизнь христианская чрезвычайно **проста**. Это—жизнь **со Христом**, но не более одного дня сразу. Никогда не следует пропускать мысленно настоящее, теперешнее благословение, чтобы заранее уже встречать будущее зло; в предвидении дурного будущего—темнить себе сегодняшний покой; в ожидании большого дела — пренебрегать сегодняшней малой работой. Пока не дошел до моста—не стоит опасаться — прочен ли он, и возможно ли будет перейти его; не дойдя еще до горы—нечего вздыхать: как трудно будет подняться туда!

У христианина не может быть тревожных мыслей; хотя они и внушаются нам, и навязчиво липнут к нам—не надо им поддаваться. Ведь мы — в руке Божией! Мы—в покое у Него. Чего же бояться?

В жизни христианина нет ничего запутанного, ничего особенно-скрытого. Не **многое** нужно соблюдать, не **многое** помнить. Кто то сказал: „Освящение заключается в большой любви и в усердном служении; но при „служении" этом не следует обременять себя тревогами и заботой о множестве посторонних вещей. „Одно только нужно" (Луки 10, 42). „Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу" (Иоан. 9, 25); „...забывая заднее и простираясь вперед" (Фил. 3, 13).

Одно только желательно: „Одного я просил у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его" (Пс. 26, 4).

Есть одно только исповедание — Христос; одна вера, что Он всегда с нами. Тот, кто живет в Его атмосфере, всецело доверяется Его покровительству и рад исполнить то, чего Он желает для него **именно в настоящую минуту**.

А между тем — миллионы Божиих созданий вечно мучатся тревогой за будущее, даже и те, которые говорят, что верят во Христа.

Много мудрости в словах Пирса: „Не смущайтесь никогда заранее заботами о будущем, пока эти заботы не наступят, пока они действительно вас не коснутся: вы только удвоите самую тяжесть их, и, кроме того, можете смутить и других".

Странно: отчего мы вообще так склонны верить всему худому? Отчего так боимся верить в хорошее? Слуху о каком-нибудь несчастии мы верим сразу, а про хорошее говорим: „Это слишком хорошо, чтобы было возможным". Да почему же?

Почему не думаем: „Это—слишком ужасно, чтобы быть правдой?"

Неужели же в самом деле будущее у Бога покрыто таким мраком, и жизнь **вся** так тяжка?

Мы имеем право надеяться на самое лучшее от Бога. Прошлое, настоящее и будущее слито у Него воедино. Настоящее — из прошедшего; будущее—из настоящего. И в то время, когда мы проходим наш жизненный путь, Господь идет впереди, чтобы все приготовить нам, чтобы поддержать нас в трудные минуты.

Камень преграждает нам путь... Не бойтесь! Тут же—и Ангел, чтобы сдвинуть его... Где нужда, там и сильная рука Божия, которая поддержит человека.

Велико милосердие Его! „Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя, и которые приготовил уповающим на Тебя!" (Пс. 30, 20). Господь „встречает" нас благословениями благости (Пс. 20, 3)... Он идет впереди не для того, чтобы препятствовать, но чтобы помогать... „Скоро да **предварят** нас щедроты Твои, ибо мы весьма истощены" (Пс. 78, 8). И столько, действительно, щедрот Его изливалось уже на нас, что мы по праву можем воскликнуть: „И завтра будет, что сегодня, да еще и больше" (Исаии 56, 12).

„Стезя праведных — как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня" (Пр. Сол. 4, 18).

Не будем же, поэтому, с беспокойством спрашивать себя, как жены-мироносицы: „Кто отвалит нам камень?.."—пока не подойдем вплотную к такому нашему „камню". Еще один поворот дороги—и мы увидим, что „отвален" уже этот камень, и там, где виделось нам препятствие, встречает нас сияющий вестник Божий... Этот „вестник" может быть и в образе человека, но тем не менее это—Ангел, в данную минуту представляющий из себя орудие в руках Божиих... И с каждым таким встречающимся нам на пути „камнем", к которому подходили мы с трепетом в сердце и тревогой в мыслях, представляется нам новый случай убедиться, что „Бог верен"... Он „не попустит вас быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести" (1 Кор. 10, 13). Это ведь относится не только к искушениям греховным, но и ко всяким испытаниям, которые встречаем мы в жизни.

Если бы такое препятствие, которое мы встречаем,—такой „камень"—мог помешать исполнению плана Божия, если бы Христос не „воскрес" в нас и через нас—тогда, значит, „тщетна и вера наша". Но пока Бог — есть Бог, этого быть не может.

Почему так тревожились жены-мироносицы? Потому что они шли к „мертвому" Иисусу. Они забыли, как Он говорил им, что должен воскреснуть из мертвых.

„Он воскрес!" Он вечно жив!.. вот та радостная весть, которая разнеслась в то утро, и несется с тех пор по всей земле... Смерть уже не имеет власти над Ним. Если бы Христос был мертв, тогда мертвой была бы и наша религия, умерла бы и наша надежда и из всех людей мы были бы самыми жалкими. Все для нас умерло бы.

„А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших" (1 Кор. 15, 17).

Существуют на свете тысячи людей, для которых Христос не живет... Да не будем мы в числе их!

Жизнь, где нет Христа — какая тьма! Все нечистое в этой тьме растет и укрепляется.

Если бы мы даже и верили в искупление грехов наших смертью Христа Иисуса, если бы даже несли Ему ароматы нашей любви,—но если бы Он воистину не воскрес—тогда оковы греха продолжали бы давить на нас всей своей тяжестью, и не было бы той могучей силы, которая теперь спасает род человеческий.

Камень, приваленный ко гробу Христа, лежит также и на нашем служении... Мы жалуемся на препятствия в христианской работе, толкуем о „закрытых дверях" „запечатанных входах". Но, если Христос для нас—жив, и имеет ключи смерти и ада, тогда уже нет для нас препятствий, запоров и невозможностей. Горы сокрушаются перед Ним, море отступает, чтобы очистить путь искупленным Его. Как те робкие женщины, вместо ожидаемого препятствия—найдем мы радость, найдем свет, найдем—жизнь...

И падем мы к ногам Воскресшего Христа, и воскликнем, полные трепетного восторга: „Господь мой и Бог мой!"

ТРИ ЧАСА И ТРИ ДНЯ.

(Евангельский этюд).

„ ... Теперь ваше время и власть тьмы".

Исполнилось пророческое слово Христа. Явилась во всей своей силе власть князя мира сего и окутала собою землю, поглотив солнечный свет (Матф. 27, 43), превратив яркий день в жуткую темную ночь, а еще больше окутала сердца человеческие мраком беспросветным; ибо Сама Истина и Жизнь была приговорена к кресту, умирала, и люди не находили для нее ничего, кроме слов издевательства и злорадства.

„Поруган, оскорблен, оплеван..." (Лук. 18, 32) — все сбылось по слову Христа. Народ, только что впитывавший в себя слова благодати, исходившие из уст Его, только что на себе испытавший глубины любви и милосердия,— все забыл, все отверг, и не нашел для Иисуса иных слов, кроме как: „распни Его".

Ученики, которым особенно отдавалось все существо Христа, ибо им надлежало после Него распространить свет Истины по всему миру, — все разбежались, отреклись от Него... „Не знаю Его", клятвенно уверял тот, кто только что с горячей преданностью подтверждал свою готовность умереть за Христа.

И наконец то, что едва дерзает представить себе сердце человеческое: грех всего мира, прошедшего, настоящего и будущего—возлег на рамена Его, и мраком и смрадом своим отделил Его от Отца. „Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил..." Тот, Кто каждый миг жил и дышал Отцом, Кто составлял Одно с Отцом, силою мрака оказался отделен от Него.

Казалось, все гибло, все рушилось. Власть князя мира сего проявилась во всей своей силе, овладела миром до конца, окутала все тьмою беспросветною.

* * *

Дни мрака, скорби и печали. Пришла смерть и окончательно разрушила все лучшие чаяния человеческие. Распят Иисус, умер Иисус, и погребли Его: „...а мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля" (Лук. 24, 21).

Значит — ошибка! Иисус — не Христос, Он — не Мессия Избавитель, и значит, — и это, может быть, всего невыносимее, — ничем не оправданы доверие и любовь к Нему учеников, ибо Он был только обманщиком, или, в лучшем случае,—безумцем,—обманывавшим Самого Себя.

А они доверились Ему, оставили все и пошли за Ним. Поруганы, оскорблены все надежды. Он не оправдал их.

Но точно ли в Нем Одном вся причина? Мучительны, как жало смерти, уколы совести, и она подсказывает ученикам: — а вы, обещавшие, если нужно будет, умереть вместе с Ним, — чем вы проявили свое доверие Ему в минуты скорби? В чем сказались любовь и поддержка ваши? Все разбежались, не осталось верного ни одного, и, может быть, оттого Иисус не мог проявить силы Своей...

И все же они глубоко любили Его,—как Друга своего, как Учителя любили, и Его—этого Друга и Учителя—истерзали, замучили на смерть у них на глазах.

Боль и сомнения, сознание своей вины, и скорбь — все соединилось и слилось в одно ощущение мрака беспросветного.

* * *

...Бывает так в природе: глубокою позднею ночью есть минуты, когда мрак кажется всего гуще, тьма—всего непроницаемее, и тогда опытный бодрствующий глаз, не зная времени, определяет, что именно теперь близок рассвет.

„В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба" (Иоан. 20, 1).

Еще было темно, еще скорбь и печаль со всею силою властвовали над сердцами учеников, а рассвет уже наступал, камень уже был отвален...

Еще Мария стояла у гроба и плакала (Иоан. 20, 13): „Унесли Господа моего"... а Он уже стоял за нею Живой, Воскресший...

Ученики еще продолжали плакать и рыдать (Марк. 16, 10), а Он уже победил смерть воскресением Своим, и солнце победы Его уже всходило над всею землею.

„Печальны будете, но печаль ваша в радость будет...", ибо „идет князя мира сего и во Мне не имеет ничего"—забыто было пророческое слово... А оно светилось и горело в глубинах вечности, и все обрушившееся зло оказалось не в силах угасить его правды.

„Вознесите главы ваши, вы скорбящие, и возрадуйтесь сердцем, ибо между днем Голгофы и днем Воскресения,—днем самым печальным и днем самым радостным—**прошло только три дня.**

НАДЕЖДА Н.

---

* * *

Христос воскрес, звучит благая
Над миром весть с святых небес,
И тварь ликует воспевая:
Христос воскрес! Христос воскрес!..
Какой восторг и ликованье,
О, дети Божии, для вас!
Христос воскрес — в том упованье,
Все оправдание для нас.
Он победил, и двери ада
Пред Ним сомкнулись навсегда,
И пала смерти злой преграда
Им пораженная тогда.
О, счастье, радость! все ликуют,
Ликуют небо и земля...
Моря и реки торжествуют
И рукоплещут все поля.
Ведь всем принес Он примиренье,
За всех Господь наш пострадал...
Он тем дарует лишь прощенье,
Кто сам себя здесь осуждал.
Кто с сердцем, полным покаянья,
Главу свою пред Ним склонил,
И с верой твердой — упованье
Все на Него лишь возложил.
Кто верит вести благодатной—
Той вести радостной, живой,
Что Он воскрес, и многократно
Дарует людям мир святой.
О, души грешные! Внемлите:
Свершилось чудо из чудес!
С восторгом чистым возгласите:
Христос воскрес! Христос воскрес!.
Ведь Он один дает спасенье.
И весть звучит, поет с небес...
Он победил злой смерти тленье...
Христос воскрес! Христос воскрес!..

Ек. Шостенко.

ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ.

Христос воскрес, дорогой читатель!

Осудили Христа на позорнейшую казнь! Распяли Христа! Гроб, где погребли Христа, запечатали! Ко гробу приставили стражу!.. Совсем, повидимому, побеждена Правда и Истина!..

Но Христос воскрес! В ту самую минуту, когда видимое торжество зла достигло последнего предела в уничижении Правды и Истины, — воскрес Христос, восторжествовала униженная Правда, победила пренебреженная и попранная Истина!..

Так было в жизни Христа. Так и всегда бывает в великом из великих созданий Правды Божией на земле.

Так в личной жизни.

Вспомните, — чрез какие смрадные бездны греха прошла святость многих светочей Правды, многих из тех, кого мы уважаем и ценим, тружеников и деятелей на ниве Божией! Прежде, чем засияла в душе у них Правда, сознанием своим окунулись они до самого дна бездны попрания правды. Ведь, все они прошли чрез **покаяние;** а что такое оно, как не сознание до отвращения своей преступности и окаянности, сознание, что попрана, поругана, распята была раньше в душе—Правда Божия!..

После креста—воскресение, после страданий—ликование!—Итак двигается созидание Правды Божией и в общественной жизни... И последний момент мировой жизни будет крайним поруганием Правды и Истины, торжеством антихриста... Но явится Христос во славе и духом уст Своих поразит антихриста. И восторжествует Правда; и отрет Господь всякую слезу! И смерти уже не будет!..

Пишу это и знаю, как глубоко в сердце каждого христианина таится и лелеется эта тайна—смертию попрания смерти!..

Сладостна душе эта истина: во многих рассказах закрепил человек эту тайну. И любит повторять или слушать эти рассказы.

В раннем детстве, в народной среде, часто слышал я рассказ про старушку.

Слыла она за богатую. И решил поживиться ее деньгами злой человек. И рассчитал, что самым удобным временем для этого будет пасхальная ночь, когда из дома, где имеет старушка квартиру, все, от мала до велика, уходят в церковь к пасхальной заутрене...

Позвонил в квартиру старушки. А она только что отпустила свою прислугу в церковь. Думает—Матрена что-нибудь забыла,—и смело открывает дверь... Но вместо ласкового лица Матрены видит перед собой хмурое лицо огромного детины. В одно мгновение поняла старушка, зачем пришел незнакомец, чего хочет от нее... Вдруг донесся церковный пасхальный трезвон.

И старушка радостная, как к лучшему другу, обращается к нему с поздравлением.

— Христос воскрес, добрый человек!..

Дрогнул детина.

— Во-истину!..—слетело как бы невольно со сжатых злым умыслом губ.

— Так похристосуемся! — говорит старушка и опять радостно потянулась она, маленькая и добрая, к большому и злому...

Незнакомец, придерживая повешенный под пальто топор, наклонился... похристосовались.

— Пойдем разговеемся! — приглашает старушка. Разговелись. А потом, зверем пришедший, ушел кроткой овечкой!...

Попранная было Правда вдруг воскресла в душе!.. Старушка совсем отдавалась в руки зла, сама потянулась к несущему смерть и победила любовью своей и решимостью умереть приблизившуюся к ней смерть.

Теперь часто слышу восхищение случаем из жизни одного служителя Божия.

Он беседовал с неверующим и побеждал его. Неверующий все больше и больше волновался; и вдруг, выйдя из себя, ударил проповедника. Что же тот? Он пал на колени пред обидчиком, прося прощения в том, что довел его до такого греха. Пал, как бы говоря: еще бей, топчи ногами... Но сейчас присутствующие увидели другое, чудное!.. Пал на колени пред проповедником и обидчик, прося прощения. И, поднятый с колен, он встал новым, верующим!..

Воистину воскрес Христос, дорогой читатель!

Воистину непобедима Правда, непоборима святая Истина!..

С. И. Е.

ТИХИЕ БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ.

С. Гордон.

II. ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ УСПЕХУ МОЛИТВЫ [1]).

I. Почему молитва не достигает своей цели.

Цель молитвы, конечно, та, чтобы Бог ответил на нее. От нас—призыв к Нему; от Него—протянутая к нам рука Его. И вот—эти две силы производят вместе то, что без них, и иными путями, совершиться не могло бы.

В этом смысле молитва может изменить положение вещей. Вот великая ее задача.

Многие молитвы остаются, однако, без ответа. Другими словами—многие молитвы оказываются бесполезными. Можно сказать даже, что тысячи молитв возносятся людьми, и—ничего не низводят на землю. Это—несомненно так. Следует прямо и чистосердечно в этом признаться. И вследствие этого многие говорят: «Нет, молитва ни к чему не ведет; мы молились—и ответа не получили. Ничего не изменилось».

Это очень распространенное мнение; его придерживаются как люди образованные, выражающие свои мысли учеными терминами, так и люди невежественные, не вникающие в сущность вещей. Множество людей самого различного склада мыслей думают именно так.

И они правы, совершенно правы. Но суть в том, что они не договаривают, не додумывают всей мысли. Если рассмотреть этот вопрос всесторонне, то мы приходим к совершенно иному заключению. Неполная истина есть худший из обманов.

Дело в том, что существуют различные препятствия к тому, чтобы исполнялась молитва, человеком к Богу возносимая. Ведь прошение и исполнение его входят в план Божий. Надо дать себе ясный отчет, что же именно мешает осуществлению этого плана.

Главных препятствий—три.

Первое кроется в самой душе человека: в нас самих бывает нечто такое, что нарушает наше соприкосновение с Богом.

Второе препятствие тоже зависит от нас: в душе нашей иногда таится нечто задерживающее, замедляющее исполнение молитвы, или нечто такое, отчего не достигается цель молитвы.

Третье препятствие—уже чисто внешнего характера.

Остановимся на первом из вышеуказанных препятствий.

Что же именно нарушает общение между Богом и молящимся человеком?

В Книге Божией указаны вполне определенно три причины, мешающие успеху молитвы: грех, эгоизм [2]), непримиренность.

Прискорбно сознавать, что первая из них, а именно грех человека, особенно часто встречается и особенно трудно устраняется.

В первой главе пророка Исаии Бог говорит: «Когда вы простираете руки ваши»—молиться, простирать руки вперед, было в обычае у евреев—«Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу» (ст. 15). Почему? В чем же дело? В том, что эти простертые к Богу руки запятнаны грехом. Господь видит эти пятна и не принимает протянутых рук.

---

[1]) См. „Христианин" № 3 — 1927 г. [2]) Себялюбие.

В 59-ой главе той же книги Бог говорит: «Вот рука Господа не сократилась... ухо Его не отяжелело» (ст. 1—3). Со стороны Бога перемены нет. «Но»,—хорошенько заметьте слова эти: «беззакония ваши... грехи ваши... руки ваши... персты ваши... уста ваши... язык ваш»— вот что, значит, произвело разделение между вами и Богом; тина греха просочилась всюду.

Обратимся к псалму 65: «Если бы я видел беззаконие в сердце моем, то не услышал бы меня Господь» (ст. 18). Тем более не слышит Господь молитвы, если из сердца грех перейдет в действие, в жизнь. Одним словом—совершенно ясно и определенно можно сказать, что грех лишает молитву успеха. В этом нет ничего удивительного, и странно было бы сомневаться в этом. Молитва—преследование человеком одинаковой с Богом цели. Грех же есть разлад наш с Богом [1]).

«Итак», возразят мне на это некоторые из вас, «вы, значит, всех нас отрезаете от общения с Богом. В каждом из нас, без исключения, есть грех; мы сознаём это. Но, вместе с тем можем с ним бороться, и боремся, и можем его побеждать».

Да, действительно, чем больше человек приближается к Богу, тем яснее отдает он себе отчет в своей греховности, хотя и борется с нею и даже побеждает ее. Но Книга Божия ясно говорит следующее: если в жизни моей существует что-либо, Господу неугодное, если я не подчиняюсь голосу Его, я этим совершаю грех. Бывают вещи греховные уже по своему существу. Но есть вещи, сами по себе не греховные, для нас же становящиеся грехом. То, что грех для меня, может не быть грехом для другого. Часто это зависит не от свойств самой вещи, но от «приказания», нами полученного от Бога, от того внутреннего голоса, который говорит мне ясно, чего Господь от меня требует; если я не следую этим указаниям, я творю грех. Тогда и молитва моя становится бесполезной, будто совершенно напрасным трудом. Хуже этого: она еще вводит меня в заблуждение; я способен сказать или подумать: «Правда, я ниже некоторых людей в духовном отношении, но в конце концов не совсем же и плох! Есть и во мне нечто доброе: я молюсь».

На самом же деле, если мое общение,—а следовательно и моя молитва к Богу—нарушена, напрасно буду я и взывать к Нему!

Всякий грех, знайте это, наносит оскорбление Богу. Грех может быть очень тонкий; он даже склонен принимать внешний лоск и делаться наружно вполне благообразным. Он может заключаться в чем-либо общепринятом. Но... не все ли равно, какого вида та палка, которая наносит удар? Как могу я беседовать с Богом, если я наношу Ему оскорбление своим грехом и продолжаю в этом грехе пребывать? Я сознаю свой грех, чтобы снова в него впасть!.. В таких условиях беседа моя с Богом состояться не может. Если же невозможна беседа, то тем более невозможна и моя совместная работа с Богом. Молитва же и есть именно это, совместное с Богом действие.

Молитва есть содействие человека Богу в выполнении Им предначертаний Его относительно мира.

---

[1]) Представим себе телефонный провод между вами и мной. Если перерезать его, разъединить концы, соединить их с землею—могли ли бы мы разговаривать? Конечно—нет. И сколько бы я ни сидел у своего аппарата, сколько бы ни взывал к вам—это ни к чему не привело бы. И расстояние тут не при чем: все дело в том, что связь между нами прервана.

Так и грех искажает душу человека и прерывает связь ее с Богом. Молитва не поднимается от земли к небу.

Неужели не примем мы твердого решения отстать от греха, который ставит такие преграды между нами и Богом? Неужели не будем стараться делать благоугодное Ему—ради любви Христа Иисуса? И из любви к людям, к бедным ослепленным людям, идущим к погибели именно потому, что Бог не может достичь до сердец их, не имея нас соработниками Своими?

Падем ниц пред Богом! Будем молить Его простить нам грех и упорство наши, которые препятствуют осуществлению плана любви Его! Сколько греха, болезней духа—кругом нас! Большинство людей живет такой нездоровой жизнью,—нездоровой, в смысле нравственном! Часто они и сознают это, но выхода из заблуждений своих не видят... Как было бы хорошо, если бы мы могли помочь им! Помочь... но чем?

А вот именно: находясь сами в общении с Богом, мы можем молить Его о них, низводить на них, заблудших, свет Его. Будем же иметь к ним сострадание, и, хотя бы ради них, очистим души наши от греха!

Вторая причина тому, что нарушается общение наше с Богом упоминается в Книге Божией. Апостол Иаков говорит о ней в своем послании: «Не имеете, потому что не просите» (Иак. 4, 2—3).

Этим объясняется сухость жизни многих людей, духовное оскудение церквей и задержка духовного роста: «Не просите»!.. Из водоема не может излиться вода, потому что отсутствуют водопроводные трубы... И дальше: «Просите», продолжает ап. Иаков,—«и не получаете». Это тоже общеизвестный факт! Но в таком случае, в чем же дело? Тут уже и просим, а не получаем... Отчего?—«потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений». Вот. Другими словами: молитва будет эгоистической, мы можем просить того или иного лично для себя.

Вот мать, молящаяся о своем сыне. Он вступает как раз в свои юношеские годы, но не отдал еще своего сердца Богу; однако он, в общем, хороший мальчик. Мать думает: «Мой мальчик должен быть моею гордостью, он носит мое имя; в жилах его течет моя кровь; я не хочу иметь сына развратного. Мне хочется, чтоб из него вышел человек честный, чтоб он был украшением всей семьи; хорошо, если он будет и человеком верующим; я хотела бы, чтобы он обратился к Богу». Так она думает; об этом усердно молится изо дня в день. И вот Господь, быть может, и тронет сердце ее ребенка, и загорится оно желанием — работать на ниве Божией. Будет звучать голос в его душе—Божий голос—говорящий: «Я хочу послать тебя в Индию, чтобы ты там помог Мне вернуть к Себе блуждающих во тьме язычников». Положим, сын захочет ехать. Но нет! этого мать не хочет! Ее сын уедет в далекую, далекую Индию! Разлучится с нею надолго. Будет подвергаться всяким опасностям... Это недопустимо!.. И вот оказывается, что все, чего она для него просила, подсказывал ей ее эгоизм; ее молитва была подобна реке, впадающей в «мертвое море»,—в тесный круг ее личных интересов; в ней не было ни капли сочувствия плану Божию, желанию Его—спасти бедный, в грехе погибающий мир. Тема молитвы вполне основательная; приносилась она неустанно, и сопровождалась часто ответами; но мотив молитвы был совершенно плотской, и эгоизм, к ней побуждавший, делает ее опорою сатаны и лишает ее значения.

Вот жена, молящаяся об обращении мужа. Быть-может она рассуждает так: «Хорошо, еслиб муж мой сделался верующим; мне так этого хочется! Он ходил бы со мною на собрания, мы вместе бы молились... Может быть она еще думает и так: «Тогда перестал бы он божиться и пьянствовать, вел бы себя смирно дома». И такая молитва может остаться не услышанною. Я хочу этим сказать, что если мысль женщины не идет дальше

ее личных удобств, молитва ее, конечно, эгоистична. Она думает о себе, а не о любящем, скорбящем Боге, против Которого муж ее восстает, не о спасении этого человека... А если и действительно Богу угодно будет постучаться в сердце его и скажет Он человеку: «Я хочу тебя сделать Своим орудием для обращения бедных грешников ко Мне. Будь благовестником Славы Моей...» Как к этому отнесется жена его? Согласится ли она, чтобы уменьшились материальные средства семьи, изменилось бы ее собственное общественное положение и т. д.? О, нет! об этом она не просила! Вот и оказывается, что в молитве своей она имела в виду только собственные свои интересы.

Вот служитель Божий, молящийся о духовном пробуждении в своей церкви. Он, быть может, при этом думает; или нет, не «думает», а бессознательно желает видеть пробуждение в церкви для того, чтобы увеличилось число ее членов, а это в свою очередь, чтобы умножились его личные доходы, жалование или пожертвования. Конечно, сознательно ни один истинный служитель церкви такой презренной мысли в себе не допустит. Но мы знаем, как лукаво наше сердце и как неисследима глубина зла, живущего в нас.

Говорю только одно: если такова подкладка молитвенных прошений человека, если личные интересы руководят молитвою его, то в основании молитвы лежит грех, и молитву такую Господь и не исполняет.

Заметьте, что Бог оставляет подобную молитву без ответа не по нежеланию исполнить просимое у Него. Всюду, где открывается малейшая возможность проявлять Свои действия, Он их непременно проявляет, делая орудиями Своими даже людей с неверным умовоззрением и с нечистыми побуждениями. Причина того, что Бог такие молитвы не исполняет, кроется несравненно глубже. Дело в том, что эгоизм, искание самого себя, дает опору сатане. Сатана пользуется тем дурным побуждением, которое лежит «на дне» души нашей, и не допускает, чтобы молитва наша вознеслась к Богу.

Но—как же в таком случае: значит—непозволительно молиться о личных наших нуждах? о здоровьи, об исцелении от болезни, о близких нашему сердцу, о материальных наших затруднениях? Нет, конечно, можно молиться обо всем этом, и не только о необходимом для нашего существования, но и о том, что́ делает жизнь нашу более удобной и радостной; можно, потому что любящий Бог наш хочет даровать детям Своим все обилие хранящихся у Него благ. Но все зависит от внутреннего нашего побуждения. Если вообще целью жизни человека является Бог и Божье, если в жизни руководится он Духом Святым—то и такая молитва внушена ему благим Духом, и греха в ней нет. И нет необходимости подвергать сердце свое болезненному исследованию, и нет места нездоровым сомнениям: «Бог знает сердце, всецело горящее стремлением делать благоугодное Ему».

Третье обстоятельство, препятствующее успеху молитвы, есть дух непримиримости.

Вы, конечно, заметили, что Господь Иисус много говорит о молитве и о прощении. Но заметили ли вы, как Он постоянно соединял воедино обе эти вещи—молитву и прощение? Прежде я не понимал причины этого; теперь она для меня совершенно ясна. Жизнь наталкивает нас на факты, которые невольно бросаются в глаза. Нельзя не видеть неисцелимых общественных язв, ужасного духовного бессилия людей. Невольно ищешь причину всего этого.

Читая Евангелие, встречаешь постоянное упоминание Христом о тех же самых язвах, которые и в наши дни искажают жизнь людей... Все то же—на Востоке, как и на Западе, в первом веке — как и в двадцатом!..

Посмотрим хотя бы одно Евангелие от Матфея. В пятой главе говорится: «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику» — другими словами вознесешь то, что мы называем молитвою, Богу — «и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой... пойди и прежде примирись с братом твоим» (Матф. 5, 23—24). Человек подходит к жертвеннику для принесения Богу в жертву агнца. Торжественно, благоговейно приближается он к жертвеннику Божию. Но в эту минуту ему вспоминается лицо человека, с которым он поссорился. И вот глаза его сверкают и зубы крепче сжимаются при мысли о нем. Господь Иисус говорит: «В таком случае оставь агнца твоего пред жертвенником».

Как! Пред всеми — уйти прочь? Что же подумают окружающие люди? «Оставь дар твой пред жертвенником и пойди»... Ближайшим, наилучшим путем, ведущим этого человека к Богу, является не дорога к жертвеннику, но та, которая ведет от него, к дому его врага. «Прежде примирись» — вот для тебя путь «прямой» — «прежде примирись, — а не примирись после; «тогда приди и принеси дар твой».

В главе шестой Господь Иисус дает нам образец молитвы, которую мы обыкновенно называем «молитвою Господней» (Матф. 6, 9—15). Она содержит в себе семь прошений. В конце ее Господь особенно останавливается на одном из них, этим самым его подчеркивая. Вы знаете, о котором прошении идет речь: в нем говорится о прощении. В одиннадцатой главе (Матф. 11, 19—35), Иисус говорит о молитве, наедине с учениками Своими. Тогда ап. Петр, повидимому, вспоминает вышеприведенное приказание Учителя о прощении в связи с принесением Богу молитвы, и обращается к Нему с вопросом... Ап. Петр, знаем мы, всегда любил предлагать Господу вопросы, или просить у Него того или другого объяснения. Тут он спрашивает: «Господи! сколько раз прощать брату моему... до семи ли раз?» Конечно апостол думал этим выразить, что он понял приказание Христа, и от избытка в сердце его благодати Божией готов простить брату вину его семь раз подряд. Ответ же Господа доказывает обратное: «Петр, ты не понял Моей мысли. Прощение не входит в область математических вычислений; не семь, а седмижды семьдесят раз». И при получении этого ответа ап. Петр с изумлением смотрит на Господа: «Четыреста девяносто раз!.. Сколько раз надо прощать одному и тому же человеку!» Ответом Своим Господь, конечно, хотел дать Петру понять, что надо без счета прощать согрешающим против нас; человек должен быть проникнут духом всепрощения — вот смысл Им данного ответа.

Затем, по обыкновению Своему, Господь Иисус пояснил Свою мысль притчею. Некто должен был большую сумму государю своему; сумма эта равнялась на наши деньги двадцати четырем миллионам рублей, другими словами это была такая сумма, которую уплатить было невозможно. И вот— должник пошел к царю и стал просить его отложить срок платежа долга. Он сказал: «Государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу». Он не хотел обмануть; он надеялся когда - нибудь заплатить всю сумму. И господин его, умилосердившись простил ему весь долг. Таков именно Бог в изображении Господом Иисусом, знающим Его лучше всех.

И вот этот прощенный царем раб «вышед, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему»—как бы вы думали—сколько? Заметили ли вы вообще удивительную меткость приводимых Господом Иисусом сопоставлений и контрастов? Здесь она обнаруживается особенно ярко: оказывается, что товарищ должен был ему всего лишь около тридцати рублей на наши деньги. А между тем смотрите: только что сам прощенный человек бросился «душить» своего должника, грозно ему говоря: «Отдай мне, что должен».

Товарищ слезно молит его: «Потерпи на мне, и все отдам тебе». В эту минуту у него денег не было, но он намерен был честно уплатить свой долг. Слова мольбы его звучат так просто и трогательно. Но нет! «Тот не захотел, а пошел, и посадил его в темницу», в которой меньше, чем где-либо мог найти несчастный деньги для уплаты долга. Таков человек по свидетельству Господа Иисуса, знающего его лучше всех.

Итак—Христос хотел нам дать понять следующее: Бог прощает каждому из нас наш неоплатный долг Ему,—а мы не хотим простить ближнему своему долга, сравнительно, ничтожного. Какая противоположность! И как презренны мысли и чувства многих из нас!

«Но вы не знаете», возразят мне на это,—«как трудно бывает иногда прощать». Нет. Прекрасно знаю. Знаю, что самому человеку собственными силами, не легко, даже иногда бывает невозможно простить обиду. Но знаю и то, что если Дух Святой царит в нашем сердце — Он дает нам любовь к таким даже людям, которых сами по себе мы любить не в состоянии.

Это уже будет не родственное расположение, не чувство особенной симпатии: нет, это настоящая нежная любовь, любовь Христова, всецело наполняющая сердце. Это—любовь—сострадание, любовь—жалость к человеку, вас оскорбившему, глубокое сожаление о том, что он способен был на подобный поступок.

Если мы хотим пребывать в молитвенном общении с Богом, мы должны прощать охотно, искренно, великодушно, «как и Бог во Христе простил нас» (Ефес. 4, 32).

И не трудно понять, почему это так необходимо. Причина двоякая: она относится к Богу и к сатане; если молитва представляет из себя высшую степень общения, духовный союз, то, значит, тот-же дух должен воодушевлять обоих участников этого союза, обе его стороны — то есть человека и Бога; значит—если человек не проникнут Духом Божиим в минуту молитвы, то и молитва его не дойдет до Бога, не будет иметь успеха.

С другой стороны, непримиримость человека доказывает несомненное существование ненависти в сердце его; а в таком сердце сатана имеет полный простор для своих действий. Сколько дурных, ему родственных чувств, напоминает уже одно слово: «непримиренность», зависть, ревность, озлобление; оскорбительное слово, тонкая отравленная ядом стрела сарказма, недоброжелательность, клевета,—как все это близко связано с непримиримым, не прощающим сердцем!

Итак: грех, себялюбие, дух непримиримости—вот, что ослабляет нас, отравляет нас в духовном отношении и мешает нам способствовать выполнению великого плана любви Божией относительно погибающего без Него мира. Множество душ не обращаются к Нему за отсутствием людей, о них молящихся.

Вознесем же Господу молитву: «Испытай меня, Боже, исследуй сердце мое и помоги мне познать его; испытай меня, и исследуй все сокровенные мысли, стремления и побуждения мои, и дай мне самому познать их; покажи мне, что именно во мне огорчает Тебя; а затем—выведи меня, Господи, на путь Твой, на путь вечный! Услышь меня ради Господа Иисуса, а также и ради гибнущих людей». «Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный» (Пс. 138, 23) [1]).

---

[1]) См. следующ. №.

БЕЗУМИЕ СОЛОМОНА.

Ф. Кулена.

„Во время старости Соломона, жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу, Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской".—3 Цар. 11, 4—5.

Вы помните *), с каким прекрасным настроением, с какими мыслями Соломон начал царствовать. Это была лицевая сторона медали. Теперь посмотрим на обратную ее сторону... „Стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской"... Какое падение! И какой в этом урок, какое предостережение всем нам!

Самый мудрый, самый счастливый из людей, осыпанный всеми даяниями благими и всякими дарами, свыше сходящими от Отца светов—не удержался на духовной высоте! Нравственно падая все ниже и ниже, он дошел до распутства, и, наконец, и до идолопоклонства. Слаб человек! Ни привилегированность рождения, ни благородство характера, ни чистота намерений, ни обилие природных дарований, даже таких исключительных, как у Соломона—ничто не гарантирует его от падения, если только он не следит за собою, не остерегается. Пусть никто о себе не воображает, что не способен впасть в тот или иной грех на том основании, что „отец его—Давид". Тот, кто думает, что стоит—берегись, чтобы не упасть!

Будем же бодрствовать и молиться, дабы не впасть в искушение.

Но что же, в сущности, было причиной моральной катастрофы, о которой говорится в вышеприведенном тексте? Что постепенно расслабило сердце молодого царя, помрачило чистоту его души, заставило его, как по наклонной плоскости, скатиться в пропасть?

А вот именно то, что он был необычайно **счастлив**, что все в жизни ему удивительно удавалось. Постоянный успех—вот тот фатальный подводный камень, о который разбилась его лодка!

Я хочу обратить на это ваше особенное внимание.

Конечно, пример Соломона—это нечто исключительное. **Такого** счастья никому из нас испытывать не приходится. Богатство, блеск, почет, красота; полная возможность проявлять свои способности, полная свобода действовать, как его мудрость ему подсказывала... Всего этого нет у нас в той мере, как было у Соломона. Но—все равно! Во всяком положении, на всех ступенях социальной лестницы, благоденствие, изменяя лишь свои формы и пропорции, тем не менее представляет из себя ту же почву для искушений, и требует такой же бдительности.

Само по себе благоденствие, конечно, не есть зло. Как может быть злом здоровье, богатство, семейное счастье, например—раз все это дано Богом? Это—Божии дары. И, тем не менее, счастье может быть „страшным даром", потому что сердце человеческое может этим даром злоупотребить.

Счастливый человек подвергается таким искушениям и опасностям, что я не удивляюсь словам одного моралиста, у которого в пылу проповеди, вырвался такой парадокс: „благоденствие—это дар, который Бог дал нам во гневе".

Позвольте мне, имея перед глазами пример Соломона, указать вам на некоторые из этих опасностей.

Первая опасность от благоденствия заключается в том, что **сердце наше постепенно привыкает слишком дорожить земными благами.**

Достаточно прочесть историю царствования Соломона, чтобы понять, что в этом именно и выразилось первое уклонение царя от пути мудрости.

Мы видим, что вначале он ценил житейские блага по их достоинству, придавая им значение второстепенное. Он просил у Бога только одного: сердца мудрого. Но вот—даровано было ему и внешнее: царство его было в цветущем состоянии; богатства накоплено много еще отцом его Давидом, а благодаря своим связям с соседними государствами, он свою казну еще приумножил...

*) См. „Христианин" № 3 за 1927 г.—„Мудрость Соломона".

Первое, на что он ее употребил, было — построение храма, несравненного по великолепию, и хотя, быть может, и тут уже закралась в душу его некоторая доля гордости и тщеславия, но, в общем, дело это было хорошее: колоссальное его богатство было употреблено во славу Божию, и, вместе с тем, исполнено желание отца его.

Постройка храма окончена. И вот, мы читаем далее, что Соломон продолжает накапливать богатства и окружать себя невиданной роскошью. Прямого осуждения ему мы в тексте не находим; но разве не служит осуждением уже самый тот факт, что о деятельности Соломона в это время не сообщается ничего, кроме того, что он вел гигантские торговые предприятия, которые приносили ему колоссальные выгоды; строил дворцы, увеселительные города, сооружал дивной красоты троны, завел тысячи лошадей, колесниц, слуг, драгоценную утварь, подобно которой ни у кого из тогдашних земных владык не было...

И это—тот человек, о благочестии и мудрости которого было говорено в самом начале!

Общий тон жизни его был теперь — измена Богу, а если присмотреться ближе, мы заметим множество и отдельных, частных измен.

Бог, провидя все опасности, которые заключаются в чрезмерном накоплении материальных богатств, дал царям Израильским, через пророка Моисея, 500 лет тому назад, нечто в роде хартии, которую каждый из царей должен был собственноручно списать и ежегодно прочитывать. И в хартии этой, пункт за пунктом, осуждается все то, что делал Соломон. Например: ясно сказано там, чтобы царь „серебра и золота не умножал себе чрезмерно" (Втор. 17, 17); Соломон же „сделал серебро... равноценным камням" (3 Цар. 10, 27). „Чтобы не умножал себе коней" (Втор. 17, 16); а Соломон „набрал колесниц и всадников и было у него 1400 колесниц и 1200 всадников" (3 Цар. 10, 26). Сказано: „чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его" (Втор. 17, 17), а Соломон в этом отношении представлял из себя нечто невероятное (3 Цар. 11, 3).

Насколько сначала он проявил себя, как мудрый монарх и администратор, настолько впоследствии оказался он человеком тщеславным, который Божии заветы забыл ради благ житейских.

А какие уловки употребляем мы, чтобы оправдать себя, когда и нами овладевает привязанность к этим житейским благам! Действительно, иногда трудно бывает провести границу между тем, что составляет наш долг,—в смысле заботы о близких,—и тем, что будет уже сердечной развращенностью: тщеславием, корыстью, жадностью.

Разве это дурно—думать о будущем для себя и своих? Разве не следует пускать в дело данные нам от Бога таланты? Неужели же грех — выгодно поместить свои деньги, стараться увеличить доходы, удачно вести дела? Или—получить наследство, купить землю, построить дом? Неужели это преступление—быть богатым, иметь хорошее место, пользоваться уважением, здоровьем, быть, одним словом, счастливым?..

Конечно—нет!

Но плохо тогда, когда все это **овладевает** человеком, когда человек делается **рабом** всего этого, когда желает **во что бы то ни стало** добиться обладания этими житейскими благами. А это может случиться с человеком во **всяком** положении, от рабочего до царя. Совершенно незаметно можно чрезмерно привязаться к тем благам, которые нам посылаются, и **чем больше** их посылается—тем больше и привязаться.

Вот на что я хотел обратить ваше внимание. Много надо мудрости и благочестия, чтобы, обладая земными благами, не сделаться их рабом!,

Когда мы говорим „христианин"—мы говорим „странник". Небо небесное, т.-е. духовный мир—вот родина христианина, и если он перестает об этой родине думать—он перестает быть ее достойным. Никто лучше ап. Павла не определил характера и условий жизни христианина на земле:

„Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобресть Христа и найтись в Нем, не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по

вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его и участие в страданиях Его... чтобы достигнуть воскресения мертвых. Говорю так не потому, чтобы я уже достиг или усовершился, но стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус. Братья, я не почитаю себя достигшим; а только забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе... Подражайте, братья, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас... Наше же жительство на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа" (Филип. 3, 8—14, 17 и 20).

Христианину следует проходить свой земной путь так, как странник проходит по пустыне: с единственной мыслью — дойти до цели. Если путь этот усыпан цветами, он кажется нам раем; о цели уже не думаешь! Хочется задержаться тут, „раскинуть здесь свои шатры"...

Надо, чтобы дух христианина был свободен от хлопот и забот, чтобы он мог, как птица, лететь к Богу. Страшно, если красота и прелесть жизни, любовь и радость, надежды и порывы наши — будут только путами, которые помешают душе „устремляться в высоту".

Надо, чтобы христианин постоянно помнил о краткости и бренности земной жизни, о том, что „человекам положено однажды умереть, а потом суд". А помнить это очень трудно, если все в жизни удается, и все кажется таким прочным.

Христианину следует сознавать, что он, в сущности, бессилен сделать что-либо сам, без помощи Божией. А между тем—как трудно бывает помнить, что не было бы успеха, не было бы богатства или высокого положения, если бы Бог не помог всего этого достигнуть. Трудно не возгордиться человеку, когда ему все удается, и когда окружающие хвалят и льстят!

И еще не надо забывать, что—как ничего мы не принесли с собою в эту жизнь—так ничего и не унесем отсюда, и что не стоит копить материальные богатства, раз мы не можем быть уверены, что доживем хотя бы до завтрашнего дня. Это так ярко выражено в притче о „богаче" в евангелии Луки, 12 гл. Человек запас себе добра „на многие годы"—а осталось жить ему—только один день!

Итак—первая опасность, которая грозит человеку „счастливому", в смысле земного благополучия, это — что ему легко забыть о божественном происхождении своей души, и о том, что „душа больше тела". Надо никогда не терять этого из вида. Надо бодрствовать.

Вторая опасность та, что материальные блага могут **развратить человека в смысле чувственном**. Соломон опять-таки служит нам в этом отношении ярким примером.

Из чистого и благочестивого юноши вышел развратный старик! И очень легко представить себе, как это произошло.

Ведь богатство—изнеживает. Толпа слуг, утонченная пища, много дорогого вина... Роскошь и красота обстановки и одежды... Человек отвыкает от всякой работы, так как все за него делают другие... Стоит только чего-нибудь пожелать—все исполняется. И сначала таким желаниям конца нет... Надо все больше и больше колесниц, надо коней невиданной красоты, которых привозят из за моря... Строятся дворцы в разных живописных местах страны, и обставляют их тоже издалека привезенными вещами... Для увеселения есть и музыка, и танцы, эти жгучие восточные танцы, которые и до наших дней кое-где еще сохранились. Прекрасные женщины, певицы и танцовщицы, доставляются с разных концов света к блестящему двору Соломона, женщины всяких национальностей, всяких оттенков кожи, поклонявшиеся у себя на родине различным языческим божествам. Все они населяют дворцы Соломона, и несомненно влияют не Иерусалимское общество и на самого царя своими языческими нравами и понятиями.

Итак длятся годы и годы... Страна живет в мире, внешние враги не тревожат, так как всем соседним государствам выгодно быть в дружеских отношениях с таким мудрым и сильным царем. Ведется обширная внешняя торговля; народ богатеет, царская казна растет... Но с годами ведь человек привыкает ко всему, и то, что прежде радовало, повторяясь—надоедает.

Уже не достаточно испытанных раньше наслаждений: хочется чего-то нового. Хочется более острых ощущений, более крепкого вина, так как слабое уже перестало действовать. А так как предела возможности—нет, то и Соломон,

совершенно пресытившийся прежним, старался в чем-нибудь новом найти удовлетворение, и сам, вероятно, того не сознавая, опускался в нравственном отношении все ниже и ниже.

Мы читаем о семистах его женах и трехстах наложниц, которые „развратили сердце его"... Случилось как раз то, от чего предостерегались цари Израильские.

Так все это произошло с Соломоном.

Но к нам—разве может подходить этот пример? Что общего между блестящим царем и нами, которые еле-еле пробиваемся в жизни?

Общее, во всяком случае, то, что как он, так и мы, дорожим земными благами, в каком виде каждому из нас они представляются. Ведь и у нас—не всё неудачи! Бывает и успех. Не все мы бедны: иногда появляется и достаток. И вот тогда может явиться и соблазн. Могут притти—да и приходят!—такие мысли: теперь я могу ни в чем себе не отказывать; я заслужил отдых, я сам заработал, сам достиг. Только справедливо, если теперь буду я наслаждаться жизнью, как хочу.

И мы наслаждаемся, каждый по своему. И от „законного" „дозволенного", не безнравственного еще,—можем, совершенно незаметно для себя, опуститься до **уже** безнравственного.

Плоть наша ведь очень сильна! Она легко берет верх над духом, если человек не остережется.

Окружить себя удобством, комфортом, всем, что ласкает чувства культурного человека—разве это грех? Не грех, пока для этого не жертвуют ничем другим, и пока это **не ведет к эгоизму.** Один смелый проповедник говорил про роскошь:—„Роскошь оскорбляет страдания Христа и горе бедных..." Роскошь проклял Бог устами Своего пророка: „И поражу дом зимний вместе с домом летним, и исчезнут дома с украшениями из слоновой кости, и не станет многих домов, говорит Господь" (Амос. 3, 15).

Постепенно привыкая к возможности исполнять свои прихоти, люди думают, что так оно и быть должно. Им кажется естественным — пользоваться земными благами, и забывают они, что у каждого из нас есть долг относительно ближних наших. Материальное благосостояние может заглушить в нас любовь и милосердие.

Что богатство ведет к развращенности—этому мы видим множество примеров и в истории. Города Содом, Вавилон, Коринф, Милет—богатые торговые центры—отличались чудовищным развратом.

Да! Благосостояние часто бывает причиной духовного падения. На это много раз указывает и Св. Писание. Не следует ублажать свою плоть, слишком о ней заботиться. Смотрите, как ап. Павел,—уже изнуренный физически и нуждой, и жизнью, полный утомления, и преследованиями — все-таки считает нужным „усмирять" и „порабощать" тело свое, „дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (1 Кор. 9, 27).

Столько подтверждений и в жизни, и в Слове Божием, встречаем мы тому, что благосостояние служит источником опасностей и искушений! Вы, поэтому, должны понять меня, если я, желая предостеречь вас, скажу вам словами апостола Петра:

„Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить" (1 Петр. 5, 8).

Третья опасность, которая грозит людям богатым, избалованным жизненными успехами, это опасность **забыть Бога.** И тут тоже — каким печальным примером служит Соломон! Право, можно сказать, что человек этот падением своим осветил всю глубину пропасти, в которую рискует упасть и всякий из нас.

„Во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому и Милхому, мерзости Аммонитской".

Он попрал уже заповеди Божии тем, что обесчестил собственное тело; а теперь—точно ослепление постигло его: он стал поклоняться идолам!

Что вообще люди **могут** поклоняться идолам, это понятно, и вызывает только сожаление к ним. Темные, неразвитые, никогда не слыхавшие об истинном Боге, Промыслителе и Творце, но инстинктивно признающие какую-то

силу—выше себя, они поклоняются силам природы, изображая их в виде различных фигур, более или менее страшных, более или менее фантастических, а иногда и дивно-красивых, смотря по тому, на какой ступени развития находится тот или иной народ.

Но Соломон!

Этот светлый ум, этот благородный, развитый человек!

Помните его молитву при вступлении на престол: „Господи! я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа... Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой, и различать, что добро, и что зло".

А когда он построил храм — какую чудесную молитву произнес он при его освящении! Глубокой верой в Бога дышат его вдохновенные слова.

Этот человек был одним из избранников Духа Божия. В мудрых его писаниях люди всех веков черпали познание истины... Как глубоко судил он обо всем, „что находится под солнцем"...

Как же мог он впасть в такое заблуждение, чтобы начать поклоняться идолам? Тут—какая-то тайна, тайна человеческого сердца, и—назидание для всякого из нас.

Неужели же он уверовал в этих богов, зная Единого Бога?

Конечно—нет. Этого быть не может. Но развращенность сердца затемнила его светлый ум... В угоду своим женам он построил храмы и жертвенники языческим божествам, и, точно ослепленный, ходил вместе с женщинами в храмы эти, и поклонялся идолам, и служил им. Просто—невероятно! (3 Цар. 11,7—8).

Утрата нравственного чувства повлекла за собою утрату и чувства религиозного.

И тут тоже пример Соломона представляет из себя нечто исключительное... Такая высота—такое падение... разве с нами это бывает?

Да, действительно: Молоху или Астарте поклоняться никто из нас не станет, но... есть ведь и другие кумиры!...

Затем—не совсем справедливо в настоящее время и то, что от Бога удаляются, главным образом люди обеспеченные; напротив: часто несчастные и страдающие тоже перестают верить, говорят, что если бы существовал Бог, Он не допустил бы таких несправедливостей и бед, от которых страдает человечество. И люди эти, отойдя от Бога, ищут себе других богов.

Говорят, что **вообще** люди, без различия в степени материального благосостояния удаляются теперь от Бога. Возможно. Но что же заменяет им Бога, у Которого верующие ищут спасения и помощи? К кому обращают они взоры свои—взоры не покорные и любящие, а угрожающие и жадные, в ожидании получить здесь, в этом мире, свою долю счастья?

Не трудно ответить на этот вопрос.

Имя божеству, которому так многие теперь поклоняются — маммон, все тот же древний маммон, олицетворяющий деньги и наслаждение, но которого теперь называют „материя", „материальное благосостояние". Вот тот проклятый кумир, которому служат, которому кадят, а может быть дойдут и до того, что будут приносить ему кровавые жертвы.

Когда размышляешь обо всем этом, невольно встает вопрос: **отчего** люди уходят из религии, отчего перестают верить? Не мы ли, верующие, в этом виноваты? Это—страшный вопрос. Христос сказал: „Горе тому, через которого соблазн приходит"... „Горе тому, кто соблазнит одного из малых сил"... Не соблазняем ли кого-нибудь, чем-нибудь—мы, верующие?

Если мы живем в достатке—**не рабы ли мы** нашего богатства, удобств, всяких житейских радостей?... Может быть, поклоняясь Богу, в глубине души мы чтим больше иного бога—наше житейское благосостояние?

А это, конечно, отражается и на всей нашей жизни, так что **не** верующие люди, глядя на таких „верующих"—соблазняются.

„Кто любит мир, в том нет любви Отчей" (1 Иоан. 2, 15).

Какое место в сердце своем отводим мы Святому Богу? Собственно говоря, если внимательно проследить, мы по большей части вполне захвачены житейскими заботами и радостями... То, что радует глаз, что дает наслаждение плоти, что льстит тщеславию—это главным образом нас занимает... Бог и Божье помещается где-то в уголке души, по временам только появляясь в сознании и

чувстве. Мы очень заняты нашими внешними успехами, вопросом, как бы заработать побольше, чтобы доставить себе и своим известный комфорт или удовольствие. Так этим заняты, что, повидимому, и любим все это больше Того, Который сказал: „Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником" (Лук. 14, 33).

Чувствуем ли мы так, как псалмопевец: „Кто мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле" (Пс. 72, 25).

На обличения Осии пророка ответил Ефрем: „Я разбогател, накопил себе имущества" (Ос. 12, 9)... Я думаю, что такая мысль таится и в нас, когда нам иногда приходится слышать обличения проповедника. Мы думаем: „все это верно. Правильно, что надо больше думать о Божьем, чем о земном. Хорошо, что нам напоминает проповедник — (впрочем, ведь это его и обязанность) — о требованиях Евангелия, об опасности, которая представляется для души в чрезмерных заботах о благосостоянии житейском. Надо быть смиренным, не надо тщеславиться. Надо любить больше людей и быть благодарными Богу за все... Верно все это... А все-таки—хорошо, что я разбогател."

И теперь вот, читая это — не чувствуете ли вы упреков совести? Не слишком ли и вы заботились о плотском, забывая Божье? У вас не явилась мысль, что надо это изменить?

Мысль промелькнувшая—обратилась в твердое решение?

А если и вы тоже, погодя немного, вспомните о том, что вас в жизни так радует, о том достатке, который теперь имеете, и подумаете: „а все-таки—хорошо, что я этого добился, хорошо, что я разбогател!"—Ну, тогда, значит, и вы покланяетесь идолу!...

Благосостояние—вот тот кумир, ради которого вы, христианин, изменили Богу и Христовым заветам!

Но тогда уже и не считайте себя верующим.

Вспоминается слово Христа: „удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие" (Матф. 19, 24).

Апостол Иаков правильно оценил житейские блага, когда сказал: „Да хвалится брат уничиженный высотою своею, а богатый—унижением своим" (Иак. 1, 9–10).

Итак—вот те опасности, которым подвергается человек, когда ему все в жизни удается, в смысле достижения материальных благ: он **рискует слишком привязаться к ним**, затем — **чувственная сторона его может взять верх над духовной**, наконец, он—**может отдалиться от Бога**, забыть Его и Его заветы. Только постоянное внимание, постоянная бдительность, спасает человека от этих опасностей.

И не будем роптать, если мало у нас материальных благ: мало их—меньше и искушений.

А когда Господь посылает испытания и лишения, скажем, как Давид: „благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим"... (Пс. 118, 71).

Но что же было потом с Соломоном? Прямого ответа на этот крайне интересный вопрос Писание не дает. Но, судя по тому, что он в конце жизни своей написал прекрасную книгу „Екклесиаст", которая начинается словами: „Суета сует, все суета" и кончается: „Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека. Ибо всякое дело Бог приведет на суд, и тайное, хорошо ли оно, или худо". — Судя по этому можно сказать, что он понял свои заблуждения, раскаялся и вернулся к Богу. Только, повидимому, это произошло уже после того, как его постигли испытания, о которых читаем в гл. 11-ой третьей книги Царств. Они послужили ему и угрозой, и предупреждением.

Мы также иногда слышим такие „угрозы"... Пусть же заставят они и нас оглянуться на себя, и опомниться.

Много горя вокруг! Сколько разорений, болезней, всяческих страданий. Если нам живется лучше, сравнительно с другими,—не забудем благодарить за за это Подателя всех благ, и будем внимательны, чтобы не соблазниться, и не впасть в те искушения, которым так легко поддаться, когда удачи и радости земные выпадают на нашу долю.

СОКРЫТЫЕ ЖЕРТВЫ.

„Как росток из сухой земли".—Ис. 53, 2.

Этот стих говорит нам, что тем, чем бывает сухая земля для ростка, тем была для Иисуса среда, в которой Он находился. Никакого питания для Себя, никакой поддержки Он от нее не получал. Он не находил в ней условий, необходимых для развития жизни, а между тем — Он преуспевал. Как это могло быть? Дело в том, что Он силу получал свыше. Он жил Отцом, и эту получаемую свыше жизнь передавал мертвой среде, окружающей Его, и таким образом поглощал смерть и пробуждал жизнь. Он действительно был ростком, растущим на почве человечества, но не для того, чтобы от нее почерпать жизнь для Себя, а для того, чтобы Свою жизнь в нее вносить. Это была жертва сокрытая.

Естествознание учит нас, что деревья, растущие на камнях и скалах, содержат в своих корнях известные соки, которые они выделяют и которыми разлагают камень вокруг себя, чтобы извлечь из него питание для корней по мере их распространения. Таким образом, они сначала отдают свои силы, влагают свою жизнь в почву, а потом извлекают жизнь из нее для себя, и поэтому—имеют возможность существовать и процветать в таких местах, где это было бы совершенно немыслимо для других пород.

Не так поступал Он, этот „Росток из сухой земли". Он отдал всю жизнь Свою иссохшей почве человечества, ничего из нее не получая, чтобы только пробудить в ней, наконец, отголосок любви и жизни. Смертью Своей пробудил Он жизнь, отдав Себя. И, как далее говорит пророк: „Когда душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное". Не может быть явных плодов без **предварительной сокрытой жертвы;** это закон в Царствии Божием.

Многие люди жалуются, что им ничего не удается сделать в жизни по той причине, что обстоятельства складываются неблагоприятно, и окружающая их среда мешает. Но для детей Божиих не существует таких обстоятельств, которые задержали бы их рост и послужили бы им помехой. Так как они являются прежде всего дающими, а не получающими, то они могут процветать и в таких условиях, в которых другие, не обладающие такою благодатью, никогда не могли бы просуществовать. Ибо кто все отдает, тот везде и преодолевает, и добивается того, что приносит плод, и притом сохряняет свежесть свою! Вот, где кроется тайна того, почему мы видим так много бесплодных, усталых, безутешных детей Божиих. Их молитвы, их чтение Слова, их слезы—служат большим огорчением для Духа Святого; потому что во всем этом они ищут только своего, т. е. мечтают только о том, чтобы через все это восполнить свои **личные** нужды. Они не поняли, что они „соль земли". **Дает** ли соль, или она **получает?**

Когда поймем мы свое призвание и в этом отношении? Когда перестанем жаловаться на свою среду и извинять наше отпадение тем, что обстоятельства не благоприятствуют нам? Наше христианство не должно походить на лотерею, где за малый взнос можно без труда получить большой выигрыш. Нет! Мы должны учиться от Христа, у Которого правилом было: „Я не для того пришел, чтобы Мне служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою" (Матф. 20, 28). Он сперва внес великий залог; вложил капитал, прежде чем требовать проценты; Он посеял прежде, чем подумал жать.

Чадо Божие, а что **ты** вложил в окружающую тебя среду? Знакомы ли тебе **сокрытые жертвы,** бесшумные жертвы, которые так велики в очах Божиих? Как это возвышает нас, когда мы способны отдать свою жизнь, не мечтая извлечь из этого что-нибудь для себя лично, не желая пользоваться плодами нашей жертвы, когда хотим чтобы она даже для нас самих осталась „жертвой сокрытой"!

Так было с Иисусом. Когда Он был на кресте, жизнь Его казалась погибшей; но над крестом стоял Дух, и бодрствовал, со святой заботой—чтобы от этой жизни, отданной в смерть, ничего не пропало. Для того, чтобы итти такими путями смерти, о каких говорится в Евр. 2, 9, нужно было быть озаренным Божеской славою. И только те, которые ценят свою жизнь лишь постольку, поскольку можно ее принести в жертву, пойдут по этому пути во след Христу. Потому что для них имеют значение не великие дела, а великое побуждение, которым они облагораживают самые ничтожные дела.

Побуждение это—**„Все во славу Бога моего!"**

Учитель! Милостив и кроток до конца,
Ты за мучителей Своих молил Отца...
Учитель! Ты простил врагам ожесточенным,
И лжесвидетелям, и палачам презренным.
„Не знают, что творят,—останови им!"
Ты говорил Отцу с смиреньем неземным,
Ты грех их выкупил Своей священной кровью,
Проклятьям и хулам ответствовал любовью...
О, научи меня прощать!

Е. Р.

К ИЗУЧЕНИЮ БИБЛИИ.

Из Д. Мооди.

Библию надо не только „читать": ее надо „изучать". Писание нам об этом постоянно напоминает:

„Здешние были благомысленнее Фессалоникийских: они приняли слово со всем усердием; ежедневно разбирая Писания, точно ли это так" (Деян. 17, 11).

„И читали из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное" (Неем. 8, 8).

Мы должны изучать Библию всю **целиком,** и проследить ее **всю;** тогда только найдем мы в ней то, что нам „одно только нужно" (Лук. 10, 42), найдем ту истину, без познания которой мертва душа человеческая.

Гораздо полезнее взять хоть бы одну главу из Библии и читать ее в продолжение целого месяца, чем в один месяц прочитать всю Библию.

Когда-то я задал себе: читать ежедневно определенное число глав из Библии, и, если не успевал прочесть определенного количества, то считал, что это грех, и свидетельствует о том, что моя вера охладела. Но, представьте себе: если бы часа два спустя меня спросили — о чем я читал? — я не мог бы ответить, потому что почти все забыл.

Помню, когда я был еще мальчиком, на полевых работах, приходилось мне полоть и рыхлить кормовую репу; я делал это так небрежно, что вечером надо было втыкать палку, чтобы на следующее утро узнать, где я кончил.

Так бывает и с теми, кто читает в Библии по многу сразу, скользя только мыслью по поверхности, не углубляясь в значение того, что читает.

Я слышал такой разговор: собираясь вместе читать Слово Божие, муж спрашивает жену: „Мы читали уже эту главу, или нет?" — „Не помню" — отвечает жена. Зачем же они читают?! И, может быть, еще считают это „изучением" Библии.

Кажется на всем свете нет книги, которая бы так небрежно изучалась, как Библия.

Когда вы собираетесь, для себя, или для назидания семьи своей, читать Слово Божие—подыскивайте всегда подходящие к случаю места. Что подумали бы вы о проповеднике, который, выходя говорить, наугад открывает Библию и читает первое попавшееся место?

Более заинтересовывают и лучше запоминаются те отрывки этой великой, мудрой, святой книги, которые подходят к данному моменту нашей жизни. Например: хворает ли кто, или в горе—читайте Иак. 5, 10, 16; Римл. 15, 1–7. 2 Кор. 1, 8 — 11; Матф. 8, 14 — 23 и многие другие места, псалмы особенно. Уезжает ли кто — прочтите псалом 120-й. Однажды, переплывая через океан, мы попали в такую страшную бурю, что никто из нас не надеялся дожить до следующего дня. Мы устроили молитвенное собрание, и я прочел из псалма 106, 23—31. Помню, какое глубокое впечатление это произвело, и как подняло дух многих!

Мне кажется, что следовало бы составить себе ряд вопросов, при помощи которых можно с пользой разобраться в любом стихе или тексте Библии. Хорошо бы, если бы всякий записал эти вопросы в начале своей Библии, и, читая, размышлял о прочитанном, руководствуясь ими.

Например:

1. О ком я читал и что о нем узнал?
2. О каких местах я читал и что узнал о них? Если место не обозначено, могу ли я сообразить—где оно находится? Могу ли найти его по карте?
3. Относится ли прочитанное к какому-нибудь особенному моменту истории Израильского народа, или же к какому-нибудь отдельному лицу?
4. Нет ли параллельных мест или текстов, которые освещали бы это место?
5. Нет ли в прочитанном чего-нибудь такого, что относится и ко мне: не должен ли и я чего-нибудь исполнить? нет ли тут примера, достойного подражания?

И тому подобное.

Четыре вещи необходимы, когда читаешь Библию;

1. **Соглашаться** — т. е. признавать истинность ее учения.
2. **Подчиняться** ее велениям.
3. **Внимать** и удерживать в памяти прочитанное.
4. **Передавать** другим то, что понял сам. Если в Библии заключается для нас нечто благое, постараемся, чтобы этим благим воспользовались и другие.

Чем скорее научитесь вы самостоятельно усваивать то, что читаете, тем лучше. Я глубоко жалею людей, которые много лет уже посещают собрания, слушают чтения и об'яснения, а сами совершенно не способны питать себя „духовной пищей", точно дети, которые еще не умеют сами держать ложку и нуждаются, чтоб их кормили другие. Присутствуют такие люди на молитвах или чтении — беспомощные и безучастные, как птенцы, с открытыми ртами, и ждут, чтобы их „напитали", а проповедники должны стараться их накормить. Между тем — Библия есть готовая пища для души, и нужно только уметь ее взять; а почему-то к ней не дерзают прикоснуться!

И как это странно: называют, считают себя „христианами", а ничего самостоятельного не могут почерпнуть из слова Христа! Если найдется проповедник, который их наставляет, они живут не дурно; нет — они остаются без духовной пищи.

Неестественно — быть чадом Божиим и не любить Его слова.

Посмотрите на птиц: бросьте им горсть опилок — они и внимания не обратят; бросьте крошек хлеба — мигом слетятся, и все расклюют. Так и нам надо любить „хлеб небесный", а не предпочитать ему всякие „опилки", которыми мир нас угощает. По этому узнается — дети ли мы Божии, ученики ли мы Христа.

Изучать Слово Божие надо настойчиво, терпеливо. Псалмопевец говорит: „Я прилепился к откровениям Твоим". Под влиянием такого изучения будет преобразовываться весь наш внутренний мир, а, вследствие этого — и наша внешняя жизнь. Некоторые люди подобны курьерским поездам: они так быстро мчатся вперед, что ничего кругом не замечают.

Я знал юриста, который два года был занят одним делом: он хотел доказать недействительность одного завещания. И вот он стал изучать все, что только до завещаний касается, всю литературу об этом, которую только мог достать. А затем, вооружившись всем знанием, явился в суд и блистательно выиграл процесс.

Если бы хоть что нибудь подобное делали мы, изучая Библию.

Надо ее читать по частям, обдумывая, взвешивая, сравнивая, с молитвой, прося Бога о помощи; так надо читать, чтобы проникнуться, наконец, ее духом.

И читайте **самую** Библию. Не тратьте все время на комментарии на нее, на толкования и рассуждения. Это все равно, как если бы, вместо того, чтобы есть, человек проводил время над изучением химического состава хлеба или молока: он умер бы с голода.

Три книги советую я иметь каждому христианину:

Первая, конечно,—Библия, хорошая, большая, с крупным шрифтом. Я не особенно люблю маленькие Библии, так как там печать слишком мелка, что очень затрудняет чтение, особенно если в собраниях не довольно светло.

Вторая книга—хорошая Симфония для изучения Слова Божия.

И третья книга—библейский указатель или Книга Параллелей.

Эти книги помогут вам читать Слово Божие с пользой.

Если их у вас еще нет — приобретите. Они необходимы каждому христианину.

Изучайте же Священное Писание, усердно, тщательно, с молитвой; спрашивайте других, как понимать то или иное место, вдумывайтесь, рассуждайте.

Когда вы проникнетесь библейским духом, евангельскими великими истинами, тогда вам ни плоть, ни мир, ни сам сатана не будут уже опасны.

ЭКЗЕГЕТИКА.

ТОЛКОВАНИЕ КНИГИ БЫТИЯ.

Второй день творениия.

(Гл. I, 6—8)

В. И. Быков.

В прошлый раз мы уже рассмотрели выражения: «и сказал Бог» и «да будет». Они указывают на участие Слова в творении Мира и на способ творчества.

Во второй день Бог создал **твердь**. Что это такое? К нашей радости это выражение разъяснено самым лучшим образом, ибо ниже мы читаем: «назвал Бог твердь **небом**». Итак, во второй день было создано **небо**. Нам ясно, что во дни Моисея первым наименованием для неба было слово **твердь**. Как понять это название? Слово **твердь** происходит, конечно, от слова «твердый».

Отсюда видно, что древние представляли себе небо, как нечто твердое. Таковое представление о небе было у Израиля: в Библии мы находим много мест, свидетельствующих о таком понимании. Рассмотрим некоторые из них:

1) Ис. 40,22 «небеса, как тонкую ткань» Пс. 103,2 «небеса, как шатер» т.-е. евреи представляли себе небо в виде материчатой палатки.
2) Иов. 37,18 «небеса тверды, как литое зеркало».

Такое мнение было высказано одним другом Иова, именно Елиуем; ясно, что они в те отдаленные времена Иова принимали небо за нечто стеклянное.

3) Притч. 8 27 «проводил круговую черту», т.-е. некоторые принимали небо за какой-то свод.
4) 2 Цар. 22,8 «основания небес». Давид представлял себе, что оно опирается на некоторые основания.
5) Иов. 26,11 «Столпы небес». Было представление, что небо опирается на какие-то столпы.
6) Пс. 17,10 «Наклонил Он небеса».

Представляли себе, что небо могло наклоняться, т.-е. этот якобы материальный свод был подвижен.

7) Быт. 7,11 «окна небесные отворились»; Пс. 77,23 двери неба; Быт. 28,17 врата небесные.

Представляли себе, что в этом якобы материальном своде были отверстия: окна, двери, врата, и т. д.

Итак, Библия сохранила нам представления древних о небе.

Некоторым будет интересно знать, вероятно, как это место дано в еврейском оригинале и как оно передано в главных переводах.

Еврейский: «ракиа» распространение; LXX (греческий перевод): στερέωμα покрышка, распростертие.

Вульгата (латинский перевод): firmamentum.

Во всяком случае, Бог создал во второй день **небо**; Он создал то, чего раньше не было, ибо Он сказал «да будет».

Спрашивается, что было создано во 2-й день? Указанных мнений древних мы принять, конечно, не можем. Нам в свете современной физики ясно, что видимое небо есть слой воздуха. Таким образом, во второй день был создан воздух или атмосфера.

Среди многих наших любезных слушателей могут быть лица без всяких познаний по физике; они могут с недоумением сказать: «воздух не видим, а небо есть нечто видимое».

Мне хочется, чтобы наши беседы были понятны всем. Поэтому, я считаю себя вынужденным сделать несколько разъяснений.

С воздухом происходит то же самое, что и с водою. Чистый стакан с чистою водою нам кажется пустым, т.-е. мы не видим воды. Однако, вода глубоких рек и особенно морей нам представляется то зеленоватой, то синеватой. Следовательно, значительная толща воды видима и имеет цвет.

Точно так, воздух в малых количествах невидим. Однако, в значительных количествах он становится видимым.

а) Вспомним некоторые свои впечатления—жаркий, летний день, мы находимся в поле и вот мы видим: нечто льется, переливается около земли. Это подымается нагретый воздух.

b) Если мы находимся в гористой местности, например, хотя бы на южном берегу Крыма, мы иногда имеем возможность видеть слой воздуха между нами и отдельной горой — гора кажется окутанной голубоватой дымкой.

c) Когда мы смотрим вверх, то нам приходится смотреть на весьма толстый слой воздуха.

Вычислено, что воздух облегает нашу землю слоем в 200—300 верст. И вот такой то толстый слой воздуха имеет уже цвет именно голубоваый.

Представим себе человека в лодке на море. Под ним вода, над ним воздух. И то и другое бесцветно, но в больших количествах и вода и воздух видимы; море ему кажется зеленовато-синеватым, а воздух голубым небом.

Итак, во второй день Бог создал воздух, **атмосферу**.

В подтверждение этого мнения обратим наше внимание на Быт. 1,20 «птицы да полетят по **тверди** небесной». Мы хорошо знаем, что птицы летают по воздуху.

Замечательно, что в Библии, в ее древнейших книгах, есть указание на весомость воздуха—Иов. 28,25 — «**Он ветру полагал вес**».

«И да отделяет она воду от воды».

В этих словах Бог определил чисто физическое назначение воздуха.

Это дает нам основание остановиться на выяснении физического значения воздуха в нашей жизни.

1. Здесь указано только одно значение воздуха, именно разделять воды. Что это значит? Можно думать, что древние весьма затруднялись, читая это место. Как небо могло разделять воды? Нам теперь ясно, что во 2-й день создан воздух. Спрашивается как он разделяет воды и какие? Для всех, кто изучал физику этот вопрос понятен. В данном случае действует так-называемый закон Архимеда.

Но здесь есть, вероятно, и такие читатели, которые никогда не слыхали о законе Архимеда. Для них то я и хочу разъяснить вопрос простым примером. Прошу прощения за простоту моего примера. Мы знаем, что яичная торговля есть значительное дело; этот товар бывает разного качества; есть яйца свежие, полные, тяжелые; есть яйца старые, залежавшиеся, подсохшие, легкие.

Возникает вопрос: как их разделить на сорта — на свежие и усохшие? В старину применялся обычно такой способ. Брали кадочку с водою, насыпали туда некоторое строго определенное количество обыкновенной соли и затем опускали туда партию куриных яиц. При этом оказывалось следующее: часть яиц погружалась на дно, а часть всплывала на поверхность. На дне оказывались свежие, полные, тяжелые яйца, а на верху—легкие, усохшие. Таким образом, соленая вода является разделителем для куриных яиц.

Тоже самое происходит с воздухом и водою. Вода встречается в двух главных видах: в жидком, тяжелом, и в легком, в виде мельчайших пузырьков пара. Воздух для воды играет роль соленого раствора. Тяжелая вода, жидкая, идет **вниз**, составляется **мировой океан**, а легкие пузырьки водяного пара идут кверху и образуют при охлаждении **обла а**. Итак, воздух совершает это разделение. Он **поднимает** водяные пары **наверх** — Пс. 146, 8; 148, 4.

Кто-либо, быть может, подумает: как незначительно творение 2-го дня!! Такое мнение неверно. Указанная работа воздуха колоссальна, грандиозна. Подумаем только, сколько воды выпадает на землю в виде дождя!! Предположим, что дождевая вода никуда не будет деваться, а вся будет оставаться на поверхности земли в виде озера. Вычислено, что в нашей огромной стране, которая раньше называлась Европейской Россией, за год получилось бы огромное озеро глубиною в 470 миллиметров, почти в 11 вершков.

Если бы всю эту массу воды пришлось поднять на огромную высоту нашими насосами, что было бы?! А воздух совершает эту работу **бесшумно, незаметно.**

В прочитанных стихах указано одно великое физическое значение воздуха; конечно, для некоторой полноты мы должны углубиться в данном направлении и указать и другие великие действия воздуха.

2. Ис. 40, 22—тонкая ткань.

Воздух служит как бы **одеялом** для земли, сохраняя ее теплоту. Я думаю, что мы все хорошо понимаем, для чего мы на зиму вставляем вторые рамы и при том заклеиваем все дырочки: мы между рамами заключаем неподвижный слой воздуха, который сохраняет теплоту наших жилищ.

Воздух есть весьма плохой проводник тепла, поэтому он есть — чудное одеяло. Представим себе, что наша земля как-нибудь потеряла бы свое воздушное одеяло.

Носясь в страшно холодном мировом пространстве, она очень быстро замерзла бы.

3. Иов. 37, 28—воздух сравнен с зеркалом.

Здесь указывается третья великая роль воздуха. Зеркало отбрасывает, отражает солнечные лучи; мы, вероятно, все играли когда-либо кусочком заркала в **зайчик**. Спрашивается, неужели воздух может быть зеркалом? Да, когда солнечные лучи проходят через воздух, то частью они отскакивает от воздушных частиц и начинают итти по другим направлениям. Мы должны радоваться, что частицы воздуха проделывают эту работу зеркала для лучей света. Почему? Разъясним примером.

В нашем городе, как и в других городах, есть дома на теневой стороне; в таковые дома и таковые комнаты никогда не попадают прямые лучи солнца. Однако в этих комнатах светло, можно работать, читать, писать. Почему? А потому что часть солнечных лучей успела отразиться от воздушных частиц; они теперь пошли по новым направлениям и некоторые из них попали в наши теневые комнаты. Такой свет называется рассеянным светом. Если бы не было воздуха, то не было бы рассеянного света. Что было бы тогда? Некоторые тротуары города были бы ярко освещены, а другие находились бы в великом мраке и т. д.

Итак, воздух содействует равномерности освещения земли, эта роль воздуха была сильней всего прочувствована узниками, которые сидели в темницах, ибо самые маленькие отверстия давали им некоторый свет.

4. Иов. 37, 9—15. Здесь говорится о движениях воздуха, о воздушных течениях. Оказывается, воздушные течения исполняют великую роль разносчиков теплоты и холода по всей земле.

Горячий воздух движется в места более холодные и делает их теплее. Холодный воздух идет из холодных мест в теплые и делает их прохладнее. А в результате получается по всей земле некоторая **равномерность** температуры и давления. Мы без ссобого страха можем совершать большие путешествия на юг, в уверенности, что там не задохнемся от жары, ибо воздух доставит туда необходимую свежесть; а южане едут к нам в полной уверенности, что воздух доставит с юга на север нужное количество теплоты.

5. Иов. 34, 15— 6. Воздух есть необходимая среда для нашего дыхания; самое слово: «атмосфера» значит «**среда дыхания**». Мы можем жить без пищи неделю и больше, а без воздуха мы умираем через одну, две минуты.

6. Ис. 6, 4; Евр. 12, 25—26... Глас поколебал землю...

Воздух сам приходит в движение, в колебание, от звучащего тела и может приводить потом другие предметы в колебания. Здесь намекается на великое значение воздуха в деле распространения звуков. Физики давно установили, что звук возникает от частых колебаний какого-либо тела и передается именно воздухом; в воздухе при этом возникают особые волны, которые достигают до нашего уха и «**колеблют**» нашу барабанную перепонку. И мы воспринимаем звук. Не будь воздуха, то люди видели бы гримасы говорящего, но ничего не слыхали бы.

Вот вкратце главнейшая роль воздуха, который Бог создал во 2-й день.

«И создал Бог твердь».

Мы видели назначение **тверди**, воздуха. Здесь говорится, что Бог создал его.

Что мы можем понимать под этим словом **создал?** Современная наука позволяет нам осмыслить это слово «**создал**», понять, хотя бы отчасти, те великие физические и химические процессы, которые провел в эту эпоху наш Творец. Ведь земля была раньше в состоянии хаоса. Многие вещества были несомненно в газообразном состоянии. По воле Творца они постепенно охлаждались, сгущались. ожижались, выпадали в жидком и даже твердом виде. Наконец, остались только четыре главных газа: азот, кислород, углекислый газ и водяные пары, а также некоторые другие газы, но в крайне малых количествах. Они то и составляют воздух.

Надеюсь, что теперь мы все согласны в том, что второй день был великим периодом.

Замечательно, что этот период уже назван «**день второй**»: теперь было с чем сравнить.

Затем, замечательно **отсутствие** слова «хорошо». Это указывает на незаконченность второго дня.

Таким образом, во 2-й день Творец произвел великую **подготовку** к своему дальнейшему творчеству.

Да будет слава Творцу за Его заботу о Его творениях. Если Он заботился о нас, когда нас еще не было: если Он тогда всё готовил для нас, то насколько больше заботится Он о нас теперь, когда мы уже существуем? Написано: «Он печется о нас»—I Петр. 5, 7.

См. следующ. №.

НАСУЩНАЯ НУЖДА В КНИГЕ ОТКРОВЕНИЯ БОЖИЯ *).

Ад. Сефайра.

Тема моей настоящей беседы -- **Библия есть Слово Божие**, причем я подробно остановлюсь на этом утверждении, что Библия есть **откровение** Божие.

Нет ничего странного, или недостойного Бога, в том факте, что откровение Свое Он оставил нам в виде книг; вполне естественно, что, по премудрости и любви Своей, Бог, многократно и многообразно говоривший отцам в пророках и апостолах; решил все Свое откровение заключить в одно целое, дабы будущие поколения могли его читать в непосредственной его точности, чистоте и ясности.

Получить человеку от Бога такую книгу было насущно-необходимым. Никаким иным способом не могло человечество узнать о благих предначертаниях Божиих; и, как мы уже в этом убедились, Книга эта имела огромное влияние на человечество, так что она стоит выше всех остальных книг мира сего, как и Иисус Христос—выше всех сынов человеческих.

Несколько лет тому назад, рассказывает один Божий служитель, было устроено собрание, на котором присутствовали многие писатели и ученые, причем некоторые из них были скептики и материалисты. Во время беседы возник вопрос: „Если бы нас изгнали на необитаемый уединенный остров, или если бы мы были приговорены к пожизненному одиночному заключению, какую одну книгу из числа всех существующих выбрали бы мы и взяли с собою, чтоб разделять с нею наше одиночество? На этот вопрос все присутствовавшие единодушно ответили: „Библию".

Эта книга писалась постепенно, так как искусство письменности было известно сынам Израилевым уже со времен Моисея; позднее, благодаря ее греческому переводу, книга эта сделалась достоянием всех народов; и теперь, и всегда, отстояв свое существование среди всевозможных гонений и преследований, она является книгою единственной по своей жизненности, по своей привлекательности, по тому интересу, который она возбуждает, и по тому действию, которое производит на людей.

Греческая литература стоит выше литературы всех остальных народов, и все признают ей присущие блеск и силу; но она не затрагивает сердца человека, потому что она не одухотворена атмосферою вечности; она не захватывает глубины души человеческой; а, между тем, еврейский язык несравненно более простой и бедный, проникнув в самое святилище человеческой совести, завладел сердцами и душами всех народов и племен земных.

Но, отмечая это, а также подчеркивая своеобразный, сильный, образный слог Свящ. Писаний, мы в сущности как бы дошли только до внешнего двора чудного здания. Мы еще стоим пред поражающим своею красотою и величием здания, внешние украшения и ограда которого привлекли наше внимание и за-инте ресовали нас; но всю настоящую красоту его можно постичь, только войдя в него.

Эта привлекательность Библии, ее единственный в мире слог, влияние, ею производимое на сердце человека, всего этого не существовало бы, еслиб Библия была **только** произведением человеческим. Именно потому, что она **выше** человечества, поэтому и живет она в сердцах людей; а кто же обитает „на высоте небес" и „во святилище", и, в то же время живет в сердце человеческом? Господь Бог; а каков Бог, таково и Слово Его.

Теперь я буду говорить о взгляде на Свящ. Писание друзей Библии. Я уже упоминал, что о Господе Иисусе, люди, чуждые благодати Его, выражались так: „Никогда не говорил человек, как Этот Человек". Но существовал тогда и тесный круг учеников Его, которые верили и не сомневались, что Он—Сын Божий; то же самое относится и к Свящ. Писанию. Библия могла бы спросить преследующих ее: „Много добрых дел сделал я вам. За которые из них преследуете вы меня?" И ответ людей будет такой: „Не за добрые дела

*) См. „Христианин" № 3 за 1927 г. — „Слово Вечное и слово написанное".

преследуем мы тебя, но за то, что ты, будучи книгою, подобною другим, делаешь себя книгою Божиею". Но близкие друзья Библии признают, что Свящ. Писания есть действительно Слово Божие.

Мне могут возразить, что свидетельство друзей не имеет значения, но, кто же, в таком случае, может свидетельствовать? Свидетельство врагов непременно будет неблагоприятным. Даже о Иисусе Христе враги Его ничего хорошего не сказали, а ограничились тем, что **не** признали в Нем вины. Иуда сказал: „Я пролил кровь неповинную". Пилат сказал: „Я не нахожу вины в человеке сем". Фарисеи тоже не могли найти обвинения против Него или обличить Его в грехе; но только одни Апостолы могли свидетельствовать о личности Господа Иисуса; и знаменательно то, что ученик, ближе всего знавший благословенного Спасителя,—многому научившийся от Него,—именно этот ученик засвидетельствовал, что они видели славу Его, славу Его, как Единородного от Отца.

Свидетельства друзей Библии имеют важное значение; вспомним, что друзья Библии не родились таковыми,—они были некогда чуждыми Слову, врагами Слова; но затем они получили свет свыше, и пришли к убеждению, поколебать которое ничто на земле уже не может. Другая особенность друзей Библии заключается в том, что каждый из них свидетельствует независимо от прочих. Каждый из них может сказать, подобно самаритянам: „Теперь мы верим в Библию не потому, что нас так учили с детства, не потому что так нас учит Церковь и ее служители; но потому, что мы **сами** убедились в истинности ее, услышали голос ее, и уверены, что она—Слово Божие". Потому что свет просвещающий всякого верующего, тот самый свет, который светился в людях, знавших Христа на земле, сияет и теперь в личных свидетельствах тех, кто написал о Нем,—дабы мы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели жизнь во имя Его.

Итак, видя, что весь мир признает исключительный характер этой Книги и зная причину этой исключительности, разберем, чем же именно отличается она от других книг.

Все остальные книги недолговечны,—они появляются и исчезают. Эта же Книга—для всех времен.

Другие книги имеют значение только для ограниченной части человечества: для отдельного народа, науки или сословия. Эта же книга **говорит сердцу всего** человечества.

Другие книги с течением веков выдыхаются, теряют свою ценность и интерес. Эта же—неистощима; интерес ее неисчерпаем. Мы имеем дело с неисследимо богатым рудником; залежи его бесконечно глубоки; чем больше мы углубляемся в почву, тем более сокровищ выносим мы из сокровенных глубин ее.

Другие книги изобилуют ошибками, требующими исправления, пропусками и ее недоговоренностью, которые требуют дополнений. Эта же Книга подобна золоту, в огне переплавленному. И не только нет в ней ошибок, но она обладает еще и очищающей силою, способной состязаться со всяким заблуждением, со всякой ересью, возникающей в истории человечества; это присущее ей качество, потому что она есть Книга Божия.

Откровение Божие... Но **нуждаемся ли** мы в откровении Божием?

Чудный дар разума, этот дивный светоч, это благородное орудие, которым Сам Господь нас одарил, конечно бесконечно драгоценен для нас; но это свет весьма ограниченный. Он годится только для освещения царства мира сего, и имеет дело лишь с вещами преходящими, временными. Два замечательные отзыва о разуме были высказаны людьми, считающимися звездами первой величины на горизонте философии. Один из них—Кант, человек обладавший способностью самого тонкого анализа. Писал он это своему другу. Слова эти не попали ни в одну из его биографий, но они приведены недавно в одной Аугсбургской рукописи. Он сказал: „Ты прав, основывая твой мир и твою любовь к ближнему—на Евангелиях, потому что в Евангелиях, и только в них одних, заключаются глубокие духовные истины, до которых разумом своим человек дойти не в состоянии". Другой великий мыслитель, пантеист и метафизик — Гегель, умирая, ничего другого не велел себе читать, как только Библию. Он сказал, что, если бы Бог продлил его жизнь, он начал бы изучать эту Книгу,

потому что в ней он нашел то, чего нельзя постигнуть одним разумом. Его любимой песнью в последние дни земной жизни его был немецкий гимн, в котором встречаются слова: „Иисус, привлеки меня ближе к Себе".

Откровение приходит свыше. „Не видел того глаз"—наблюдение не может открыть.—„не слыхало ухо"—предание и ученость прошлых веков не могут передать,—и не приходило то на сердце человеку"—гений и исследование бессильны создать,—„что приготовил Бог любящим Его, а нам Бог открыл это Духом Своим" (I Кор. 2, 9).

О том именно, что открыто нам Духом Божиим и что заключается в Свящ. Писаниях, начиная книгою Бытия и кончая возвышенною книгою Апокалипсиса, я и хочу вам теперь говорить; и я остановлюсь на шести великих фактах,—я не хочу их назвать „идеями", так как они именно не суть идеи, но действительно существующие факты—нам открытые в Библии.

Прежде всего **БОГ.**

Мир, по невежеству и безумию своему, не знает Бога. Мир со всей своей мудростью—не знает Бога. Мир по своей греховности не знает Бога. Мир в своей добродетели, фарисейской и стоической, не ведает Бога, Природа—Бога не являет. Природа, когда Богу бывает благоугодно говорить чрез нее к сердцу человека, являет **существование, силу, благость** и мудрость Вожию; но **Самого Бога** природа не являет. Политеизм не знал единого Бога, он признавал только отвлеченную высшую силу или разум. Атеизм отрицает Бога. Пантеизм умаляет Бога. Позитивизм не признает Бога.

Свящ. Писание **свидетельствует о Боге.** Идея о Боге, нам даруемая Свящ. Писанием, так величественна и, в то же время, так увлекательна для нашего сердца, так возвышенна, и в то же время так проста, так полна разнообразия и видимых противоречий и в то же время так всепримиряюща, что все те, которые милостью Божией научены Свящ. Писанием, чувствуют и убеждены, что Бог открыл Себя им.

Бесконечный и непостижимый, живущий в неприступном свете, Он снисходит до того, что являет Себя сынам человеческим, даже детям. Вечный и всемогущий, Он живет среди нас изо дня в день, будучи скинией и святилищем народа Своего во все века; Святой—Он в то же время Искупитель и Спаситель грешников. Праведный, Он однако оправдывает виновных. Страшный в величии и правосудии Своем, нежный и сострадательный, многомилостивый, блаженный по Своему существу и ни в чем не нуждающийся для полноты Своей жизни и радости, Он, в то же время, плачет о Иерусалиме и сокрушается о греховности народа Своего; призывая суд Божий на отвергающий Его народ, Он в то же время призывает небо и землю разделить радость Его об одном грешнике спасенном, о том, кто был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

Он открывается нам, и открывает сокровенные мысли Свои; и однако, после всех откровений, нами от Него полученных, мы все-таки говорим; „Кому уподобите вы Бога? О, бездна богатства!".. Он не велит Израильтянам делать изображений Бога, потому что никогда они не видели ничего на Него похожего. И в то же время Он дает Израилю вполне конкретное представление о Себе Самом. Он говорит о Своих „очах", и что Он „видит"; у Него есть „ухо", чтобы „внимать воплю вопиющих к Нему" за помощью. Всесожжение Ноя было благоугодно Ему, и Он „обонял приятное благоухание" его. У Него есть „руки, и Он простирает их на защиту гибнущих; Он „встает" и „поднимается"; пробуждается „от сна", чтобы избавлять от бедствия благочестивых. Он „вспоминает" древние обетования Свои. Иногда Он „не слушает" к Нему возносящейся мольбы. Он „раскаивается", что некогда сотворил человека; а иногда Он „ликует", как будто бы вся Его радость заключается в спасении и благоденствие народа Его. Кто решился бы так отзываться о Боге? Но, читая эту характеристику Бога в Свящ. Писании, ни один самый простой человек не смущается всем этим. Духовность нашего Бога превосходит все, что человеческий ум может себе представить. Он сравнивает Себя с отцом: „Как отец милует сынов"... Он уподобляет Себя матери, не способной забыть ребенка своего. Он сравнивает Себя с женихом, радующимся о невесте своей. Он говорит о Себе, как о друге, не могущем что-либо предпринять, не сообщив это заранее избранным Своим.

Библия, которая показывает нам Бога, в которой Бог Сам Себя открывает, уже не есть только философское произведение, трактующее об отвлеченных вопросах: она полна жизни, полна любви; она затрагивает самые заветные струны сердца человеческого. Нет ничего на свете возвышеннее и трогательнее Библии.

Необходимо глубже вникнуть в этот вопрос. Бог Сам **Себя** являет, открывает людям. Он, показывает, что понять Его не в силах **ум** человеческий. Все, что говорят о Нем метафизики, все определения, которые они дают, говоря о существе Божием—совершенно ничего не об'ясняют. Ни человеку, ни ангелу не дано **разумом** постичь Бога или составить себе представление о нем.

В „Святом-святых" ведь не было света, потому что „Бог благоволит обитать во мгле", и никто не может сам усилиями своего разума познать Бога.

Бог являет Себя, как это Ему благоугодно, являет Себя не только людям мудрым, но всякому человеку. Когда Он находит сердце, делание и воля которого направлены к познанию Его, Он открывается ему чрез Свящ. Писания.

„Сказал безумец в сердце в своем: нет Бога" (Пс. 52,2): только безумец может думать, что он, изучая философию, дойдет до познания Бога, а если не познал—то, значит, и нет Его. Сердце человеческое, открытое для любви, ищущее Бога, желающее увидать Его—вот орудие познания Его. Дети Божии всем сердцем веруют, что Бог Сам говорил с ними.

Нигде в Свящ. Писании не встретите вы **идеи** о Боге или о сущности Бога—метафизических, не вмещающихся в ум человеческий, отвлеченных понятий о Боге; Свящ. Писание говорит о милостивом **лике** Божием. Только это нам и нужно. Мы жаждем **видеть** пред собою „лице" Бога, как хотим видеть перед собою лица и дорогих нам человеческих существ. Говорит также Свящ. Писание об **имени** Божием. В этом имени выражается отношение Бога к человечеству; и потому, читая Библию и читая слово „Бог", никогда не должны вы думать, что там идет речь о Боге, которого подразумевает мир, что это отвлеченная мысль, идея, сила, небо, „провидение". Совсем нет,—это Иегова; это Христос; это Бог, обращающий к нам лик Свой. Он Сам открыл нам это.

Глубоко ошибаются люди, называя Ветхозаветную религию „монотеизмом". Религия турок—монотеизм. Религия Ветхого Завета—„Иеговаизм".

Писание нас учит, что Иегова, Бог Авраама, Исаака и Иакова, который вывел нас из „Египта" и ввел в духовную „землю Ханаанскую", есть Бог, а также, что Иисус Христос—Бог истинный и **жизнь** вечная. Потому что Бог (другого имени для Него мы не имеем) есть **личность**.

Понимаем ли мы, что значит быть личностью? Мы существуем недавно, чуть ли не со вчерашнего дня. Несколько лет тому назад и нас на свете не было. Способность сознавать себя вырабатывается постепенно. Мы мало по малу научаемся отличать себя от других человеческих существ, и от всего, нас окружающего. Не сразу, а понемногу, смутно, начинаем мы понимать, что мы из себя представляем, что живет в нас,—наши мысли, волю, характер, наш разум, наши чувства; но никогда, ни на одну минуту земной нашей жизни, не имеем мы **полного** представления о своей индивидуальности. Ни на мгновение не можем мы себе представить всего, в нас происходящего, всех мыслей, всего того, во что мы превратились под влиянием житейского опыта; мы постоянно чувствуем, что на нас действует внешний мир, что внутри нас происходит работа, нам непонятная, под влиянием которой меняется наш духовный строй, наша индивидуальность—работа, от нас не зависящая.

Но перенеситесь на минуту в иную, вечную сферу. Помыслите о Том, Кто жив вовеки веков, Кто раньше, нежели создать миры волею Своею, произнес слово „Я"; о Том, Кто всегда имеет ясное представление о Своих мыслях и о Своих предначертаниях; подумайте о совершенстве и свойствах, Ему присущих... Потому-то Бог постоянно называет Себя словом „Я": „Я есмь", „Я—Господь". „Узнаете, что Я—Господь" (Исх. 6, 7)... И в Новом Завете: „Не бойтесь; это Я", а в последней главе откровения—„Я Иисус".

И неужели же можно допустить, что мы способны узнать волю, понять мысли Того, Кто именует Себя именем „Я", Того, Который Один лишь может назвать Себя вполне сознательной личностью? Неужели можно допустить, что

мы поймем Его, **если Сам Он** не откроет нам Своих мыслей? Ведь этого мы не можем уверенно сказать даже по отношению любого человеческого существа, любого ребенка. Мы можем чужие мысли **угадывать**, но не можем их **знать**.

Бог говорит... Но если Бог — личность, надо признать за Ним то право, которое при нает за собою каждый из нас: открывать свою душу и мысли не всем без разбору, а кому мы считаем возможным и нужным.

„Что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?“.. „Тайна Господня — боящимся Его“... „Мы придем к нему“.

Бог, как личность, являет Себя во всем Своем величии и в бесконечной любви Своей. Это так. Но являет только себя **так**, и только **тому** — как и кому найдет нужным.

Второе, о чем говорит нам Библия, это — **ЧЕЛОВЕК.**

Нигде, кроме Свящ. Писания, не сказано, что мир был сотворен Богом. Мудрейшие греки и римляне не знали этого. Ни в одной космографии не находим мы и намека на то, что Бог сотворил небо и землю. Считали, что материя существовала вечно. Исследования, снова получившие в наши дни известную авторитетность, доказывают, что нынешний мир постепенно сложился из атомов.

Если Бог в начале Свящ. Писания повелел написать слова: „Теперь начинаю говорить Я“; теперь конец всей мудрости человеческой, а где мудрость человеческая кончается, там начинается откровение“,—если бы Бог таким образом пожелал, как бездною, отделить Свою Книгу от всех книг мира, — то это не было бы красноречивее и значительнее, чем те слова, которыми начинается Библия: „Вначале Бог сотворил небо и землю“. Одно это изречение отделяет Свящ. Писание от всех прочих произведений человеческой мудрости.

Затем: только одно Свящ. Писание заключает в себе откровение о сотворении человека по образу Божию; как бы погружаясь в глубину Своей премудрости; величественно и торжественно во всей полноте Божества произносит Господь никогда еще не произнесенные слова: „Сотворим человека по образу Нашему.

Далее — откровение о нравственном падении человека и о грехе. Библия указывает человеку на его вину, но не уничижает его, как это делают циники. Она показывает его несостоятельность, в то же время не доводя его до отчаяния. Отмечает его высокое положение, приписывая однако за это всю славу и честь Богу.

Люди науки занимаются вопросом — каковы были люди до Адама, но ничего не говорят нам они о том, каковы будут люди грядущих поколений? В Священном же Писании открывается нам—каковы будут отдаленные потомки Адама. Открывается будущее человечество, когда Христос придет, и когда те, которые Христовы, преобразятся; как мы носили образ перстного, так будем носить и образ небесного; и все это совершится **не по закону эволюции материи, а силою Духа Святого,** силою воскресения великого Сына Божия. Итак — писание являет нам человека.

Третье откровение Библии относится к — **БЛАГОДАТИ.** Мир не знает, что такое благодать. Благодать не есть жалость; благодать не снисхождение или мягкость; благодать — не долготерпение. Благодать такое же Богу присущее свойство, как Его сила, как Его премудрость. Благодать проявляется в правосудии и в праведности. Благодать являет праведность, основанную на искуплении или заместительстве; и чрез все Свящ. Писание протянута золотая нить благодати и червленная нить искупления, сочетание которых являет нам праведность, получаемую человеком свыше.

Здесь обнаруживается великая разница между Библией и всеми религиями мира: там всюду человек старается сделаться достойным Божества, Библия же нам говорит, что нам **даруется совершенство** праведности, риза праведности, исходящая от Отца, даруется ради искупительной смерти Спасителя нашего Иисуса Христа.

Перехожу к четвертому факту — к **ВОПЛОЩЕНИЮ.**

Некоторые утверждают, что идея воплощения существует также у буддистов. Но, во-первых, буддизм есть религия — без Бога, религия атеистическая.

Буддисты верят только в душу человеческую, которая может бесконечно перевоплощаться; а так как жизнь всякая есть, в сущности, сплошное страдание, то надо стремиться к тому, чтобы за смертью — перевоплощения не последовало, чтобы душа погрузилась в небытие, в Нирвану. Как же этого достигнуть? Душа сможет перевоплотиться только в том случае, если в ней будут живы всякие желания, страсти, привязанности. Значит — надо уничтожить все это. Надо заживо умереть. Пока человек живет на земле, он должен убить в себе все: любовь, жалость, радость, все страсти и похоти. Тогда душа его, выйдя из тела, больше уже не воплотится, и перестанет существовать. Будды — суть мудрецы, которые от времени до времени появляются на земле, чтобы наставлять людей. Они достигают полного бесстрастия, путем многолетних упражнений и духовной борьбы; это поразительные люди по чистоте жизни и высокому, духовному развитию. Но им удается до такой степени убить в себе все желания и чувства, что, умирая, они погружаются в Бирвану.

Что же тут общего с воплощением Христа?

Писание учит нас, что Слово стало плотию и обитало с нами; что Бог явился во плоти, что Сын Божий принял на себя наше естество, родился от жены; что эта удивительная личность имеет вечное существованае, но появилась на земле на время. Принявший вид человека,—Сын Божий в то же время есть истинный Человек; что в Нем соединились две природы и что таким Он остается во веки веков.

Как не подлежит сомнению тот факт, что Сын Божий жил на земле и умер на кресте, также достоверно и то, что Сын Человеческий сидит одесную величия Божия, и служит теперь посредником между Богом и людьми, находясь в центре человечества и одовременно в самом центре Божества. Вот то откровение, которое мы находим в Библии. Свидетельствуют об этом не только Евангелия и Послания; но уже с самого начала книги Бытия, во всем Ветхом Завете, ощущается подготовление к тому, что это должно совершиться, чувствуется грядущее появление Христа. Так свет утренней зари разливается по небу задолго до того, когда взойдет солнце.

Вспомним, например, чудесное видение пророка Исаии, когда он узрел славу Христову, увидел Господа, сидящего на престоле „высоком и превознесенном“...

Я подхожу к пятому пункту. В наши дни люди много толкуют о морали, о нравственности. Им не надо догматов, нужна только этика (наука о нравственности). Поверьте, что если какая либо идея не может найти себе подходящего названия в Свящ. Писании, то она и не свята, и не полна. Разберем, что, в сущности, великого и благородного кроется в словах „мораль“, „этика“, в том, что немцы называют „Sittlichkeit“. Все они имеют одно и то же значение — **обычай.** „Eihos“ — обычаи; „mores“ — манера, привычка. „Sittlichkeit“ это то, что вошло в привычку, или, другими словами, это высшая идея человека о честности, характере, поведении. Все это очень благородно, очень хорошо, но, в конце концев, это невыше уровня человечества.

Не то видим мы в Библии. Один древний еврейский учитель сделал следующее замечание: „В Писании мы находим несколько сот всевозможных правил; а также и несколько сот всевозможных запрещений; но все эти сотни (их насчитывается около шестисот) можно выразить десятью заповедями, данными Богом; а эти десять заповедей, в свою очередь, можно выразить двумя понятиями: любовь к Богу и, в Боге, любовь к ближнему твоему; а эти два выражения можно слить в одно: „Праведный верою жив будет“. Бог явился Аврааму и сказал: „Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною, и будь непорочен“.

Что-же представляют из себя десять заповедей? Они основаны не на отвлеченной идее, не на том, что греки называют добром, истиною, прекрасным. „И изрек Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим“. И всякая из пяти первых заповедей заключает в себе „Господь, Бог твой“.

Библия входит во все подробности жизни человеческой. Библия вникает в малейшие мелочи нашего поведения и наших обстоятельств; но на каждой

из заповедей Библии существует надпись: „Я Господь". — „Пред слепым не клади ничего, чтобы не преткнуться ему... Я Господь".

Нагорная проповедь, столь превозносимая людьми за ее нравственную высоту, заключает в себе вовсе не правила нравственности, а нечто несравненно высшее. Господь Иисус говорит: „Как совершен Отец ваш Небесный... „Пребудьте во Мне, ибо без Меня не можете делать ничего".

Апостол Павел говорит: „Для меня жизнь—Христос". Есть ли тут место этике? Эта личность—цель моей жизни, радость, источник моей жизни... нет, сама жизнь моя и средство общения с Богом, Он—наша Премудрость—говорит „Я Человек"—„Homo sum"—и все человеческое близко Мне.

Библия имеет целью сделать нас „человеками Божьими".

Библия, наконец, дает нам откровение о **Царствии Божием;** вы не должны под словом „Царствие" подразумевать какое-либо отвлеченное понятие; это не есть господство известных идей, даже не сумма христианских воззрений: все это не составляет Царствия Божия. Царствие Божие это значит: царство, в котором Бог—Царь, Христос—Его наместник, сатана—Его враг, человечество—центр, земля—территория. Преображенная Церковь с Христом, Сыном Человеческим, начинает господствовать на земле. Мы ожидаем наступления царства тогда, когда некогда Пришедший из Вифлеема—придет „с небес" и святые Его с Ним; тогда Израиль обратится к Нему, и все народы будут ходить во свете Божием; тогда воля Его будет исполняться на земле, как на небе.

Это обетование, эту надежду, можно проследить с первого обетования, данного Богом о семени жены, которое сотрет главу змия до 20-й главы Откровения, где снова упоминается о змие, который будет скован, и о полной победе Христа.

Все то, о чем я говорил, что находим мы в Библии — не есть произведение разума человеческого, и не гений человеческий открыл это. Бог говорил людям через пророков и верных слуг своих. И нам становятся понятными эти откровения только в том случае, если Дух Святой озарит нас своим светом.

Но предупреждаю вас, что все они изложены в Свящ. Писании не в какой-либо систематической последовательности. Они изложены именно так, чтобы чудесным образом подействовать на наше сердце и убедить наш ум.

В природе царит самое поразительное разнообразие, она не похожа на ботанический сад, устроенный по известной системе. Все ее разнообразные силы сочетаются между собою, и содействуют друг другу непостижимым для нас путем; свет, сила тяготения, электричество—все сотворенные Богом силы—поддерживают существование мира.

Точно также и в Свящ. Писаниях: с начала до конца, в самые различные времена и всевозможными способами, постепенными проявлениями, действиями, чудесами, словами, повелениями, уставами — привел Бог в исполнение весь план, весь Совет Свой.

В заключение скажу только, что Библия с начала до конца приписывает славу лишь Богу Одному. Он Первый и Последний. Он Альфа и Омега. Слава в вышних Богу" провозглашает каждая страница Свящ. Писания. Все из „Него, Им и к Нему. Это — Слово Божие.

Я не говорю, что Библия „содержит в себе" Слово Божие. Я утверждаю, что Библия **есть** Слово Божие. Очень опасно заблуждаться, говоря, что Библия „содержит" в себе Слово Божие. Библия с ее историей, ее законами, ее поэзией, ее правилами, ее биогрфиями, ее посланиями, со всем, в ней заключающемся, **есть** Слово Божие.

Обратите ваше внимание и на человеческий элемент в этой книге: на индивидуальность людей, писавших Библию, на постепенный рост, и, наконец, — на постепенность откровений Свящ. Писания, в связи с личностью Христа и с работою **ДУХА** Святого.

О БОГЕ.

„Бог есть любовь". — **Евангелие.**

„Бог по учению Христа, есть Бог любви и утешения. Он наполняет нашу душу и владеет ею. Он дает нам чувствовать наше ничтожество и Его величие; Он сочетается с душой людей, верующих в Него, наполняет ее радостью, доверием, любовью и делает их неспособными к другой цели, как только служить Ему". — **Паскаль.**

„Отрицать Бога единственно потому, что Он непостигаем умом, может только безумный. Утверждать, что солнца нет, может только слепой, потому что не видит его. Вера в Бога и признание полной зависимости от Его воли, дает разумный смысл всей нашей жизни и в несчастьи сообщает чувство бодрящей надежды, подобно огню, согревающему озябшего". — **А. Дрокин.**

„Непостижимость Бога есть сильнейшее доказательство бытия Его; высшая идея, какую только человек иметь может, должна принадлежать высшему свойству души человеческой, не уму, а вере". — **В. А. Жуковский.**

„Люди, отрицающие существование Бога только потому, что не ощущают Его своими внешними чувствами, подобны кротам, вечно роющимся под землею и отвергающим существование солнца". — **Проф. Погодин.**

„Бог не постижим для человеческого ума. Мы знаем только то, что Он есть". — **Филимон.**

„Нет такого грубого и дикого народа, который бы не имел веры в Бога, хотя бы он и не знал в то же время Его сущности". — **Цицерон.**

„Нет реальности кроме Бога, нет истины кроме Бога, нет красоты кроме Бога". — **Сар Пеладан.**

„Я не мог бы жить, не мог бы свободно дышать и действовать в мире, который был бы ничем иным как чудовищной, бездушной машиной, поэтому я не могу верить, что он таков, поэтому я верю, что он есть проявление Всемудрого и Всеблагого даже если глаза мои не могут видеть Его и рассудок мой не может Его постигнуть". — **Паульсон.**

„Знание природы неизбежно приводит к идее о Боге". — **Проф. Рейнке.**

„Истина — Бог". — „Основание всякого добра, всякой правды, истины и красоты в душе человека есть вера в Бога". — **В. А. Жуковский.**

„Искать и обретать Бога может только человек, существо, стремящееся к благородным целям". — **Эберс.**

„Не страх создал богов, а бытие Бога, сознательно или не сознательно ощущаемое духом человека, внушает страх внутри его". — **Э. Навиль.**

„Излюбленный метод неверующих в Бога, чующих опасность своего положения и желающих утешить себя, это опереться на мнения ученых".

„Тот, кто говорит, что потерял веру в Бога вследствие изучения естественных наук, тот никогда не имел ее". — **Проф. Бетекс.**

„Окружающая нас природа — есть история всемогущества и премудрости высочайшего Существа. Познание природы есть путь к благоговению перед Творцом и Промыслителем мира". — **Либих.**

„...Природа есть некоторое Евангелие, благовествующее неумолчно творческую силу, премудрость и величество Бога. И не только небеса, но и недра земли проповедуют славу Божию". — **Ломоносов.**

„Ученые занятия природою должны каждого привести к убеждению, что все устроено Высочайшим Духом, все исходит от Него..." — **Зоолог Агасис.**

„Истинный естествоиспытатель не может быть отрицателем Бога, естественный и Божественный закон одно и то же". — **Астроном Медлер.**

„Отрицает Бога тот, кому выгодно, чтобы не было Бога". — **Бэкон.**

„Господи! Ты проявляешь себя всюду, и всюду рассеянные люди пренебрегают созерцанием Тебя. Что вижу я в природе? Бога! Вот повсюду и только один Бог". — **Фенелон.**

„Жить мне дай, Творец Небесный,
О, дай мне сердцем, сердцем жить,
Чтоб я хвалил Твой мир чудесный,
Чтоб мог я ближнего любить". — **Т. Шевченко.**

И. К. С.

КРАТКОЕ ПОСОБИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БИБЛИИ *).

«Твое есть царство и сила и слава вовеки».

Откровение.

(См. 1 Пар. 29, 10—13; Дан. 7; Пс. 95—98; 1 Тим. 6, 14—16).

Заключительное свидетельство Духа Святого о Христе в Библии было дано ап. Иоанну, которого любил Иисус, во время его изгнания на остров Патмос „за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа". Первые три стиха служат кратким предисловием к этой книге, указывая—

1. Содержание книги.
2. Человека, в ней засвидетельствовавшего то, что он видел и слышал.
3. Благословение, даруемое „читающему и слушающим слова пророчества сего".

„Откровение" или Апокалипсис есть снятие покрывала с тайн, раскрытие того, что сокрыто в предначертаниях Божиих. Откровение это было даровано Отцом Сыну Его для назидания служителей Его в церквах и для приготовления их к Пришествию Христову (Марк. 13, 32). В свете всеозаряющего Духа Святого оно было передано ап. Иоанну целым рядом видений или знамений, им виденных вместе с Ангелом, посланным для того, чтобы им руководить и давать ему необходимые пояснения (19, 10; 22, 8—9, 16; Зах. 1—6).

С начала до конца книга эта есть „Откровение Иисуса Христа". К Христу относились все прежние пророчества, выраженные словами, видениями или прообразами; потому что „свидетельство Иисусово есть дух пророчества" (10, 19). Здесь, в этой книге, представляющей собою венец Божественного откровения, Христос есть сущность и центр всего.

За предисловием следует краткое пояснительное письмо ап. Иоанна к семи церквам „находящимся в Азии", для которых предназначена была эта книга (1, 4—17). В письме это описывается вкратце содержание всего „Откровения" и указываются обстоятельства, при которых оно было записано.

От 1, 17 до конца 3-ей главы мы читаем слова Самого Воскресшего Господа, обращенные сперва к любимому Его Апостолу, который пал, как мертвый, к ногам Его при виде славы своего Господа (ср. 22, 7, 10—20), а затем чрез Духа Святого—к семи церквам Малой Азии. Здесь, в этой книге гнева Божия, грядущего на исполненный зла мир, суд начинается с дома Божия. Христос, постоянно пребывающий среди христиан всех веков, а также и среди членов местных церквей того времени, все время испытывает все сердца, увещевает и предостерегает их; из уст Его выходит „острый с обоих сторон меч"; очи Его, как „пламень огненный"; Он—испытующий сердца и внутренности, чтобы „воздать каждому... по делам" его (2, 23). Увещание следовать за Ним до конца (17, 14; 14, 4) сопровождается седмикратным обетованием: „Побеждающему"... (2, 7, 11, 17, 26; 3, 5. 12, 21). Эти семь увещаний относятся к тому, „что есть" (1, 19).

С главы 4-й начинаются видения о том, „что будет после сего". Описания этих видений занимают остальную часть книги до 22,5 и отделены один от другого словами „после сего". Суды и события, ими прообразно изображаемые, всегда связаны с числом семь. Снятие семи печатей (6) сменяется трубным звуком семи ангелов. За семью ангелами следует семь знамений или чудес, после которых последовательно появляются семь ангелов, изливающих семь чаш гнева Божия, приносящих последние семь казней. Центром всякого видения является то или другое событие, связанное с Пришествием Христа. Здесь даются откровения относительно установления владычества Его, или же описываются исторические события, свидетельствующие о благодати, о гневе и о славе Божией. Существуют различные толкования исторического значения этих видений, возвещающих будущее; но в общем они относятся к трем знаменательнейшим событиям:

1. Собранные воедино евреи и язычники составляют Церковь Бога Живого. Из „всех колен сынов Израилевых" и „из всех племен и колен, и народов и языков" образуется один народ, составляющий наследие и славу Божию, искупленный драгоценною Кровию Христа, освобожденный от греха, очищенный чрез испытания и побеждающий всю силу вражью.

2. Суды Божии постигают всякого рода зло и всех, зло делающих,—мир, плоть и диавола,—всякого великого и малого, раба и свободного, человека религиозного и безбожника, людей и злых духов. Суд Божий выражается сперва поражающими землю бедствиями—войною, голодом, мором и т. д. Затем он переносится к „Великому белому Престолу"; и весь гнев, и все суды Божии окажутся праведными и истинными (15, 3; 16, 5; 18, 20; 19, 1—11).

*) См. Христианин № 3-й—1927 г.

3. Приведены в исполнение все предначертания благодати Божией, когда „прежнее небо и прежняя земля", осквернённые грехом, минуют, и когда появятся „новое небо и новая земля, на которых обитает правда" (2 Петр. 3, 13). Тогда святой город Иерусалим облечется в великолепные брачные ризы (21, 1—2). Двенадцать колен сынов Израилевых", ветхозаветных служителей Божиих, и „двенадцать Апостолов Агнца" будут тогда соединены воедино в основаниях стены и в воротах святого города (21, 12—14). „Престол Бога и Агнца будет в нем... во веки веков" (22, 3—5 ср. с Иер. 3, 17; Ис. 24, 23; 52; 40; 42; Дан. 7; Соф. 3, 17; Деян. 3, 19—21).

Книга заканчивается троекратным обетованием Господа, выраженным в словах: „Се, гряду скоро", „ей, гряду скоро!".

Откровение, данное „Иоанну Богослову, не только было последнею пророческою книгою и главным пророчеством Нового Завета; но в нем заключается еще и вся совокупность еще неисполнившихся событий, предсказанных ветхозаветными пророками. Необходимо эту книгу видений читать, сравнивая ее с книгами Даниила, Иезекииля и Захарии. Иносказания и образы Откровения вполне согласуются со всеми предыдущими Писаниями. Так, например, описанные в нем Содом, Египет и Вавилон представляют нам порочность, зло и богохульство, царящие в мире в различные фазисы его существования. Также и семь последних казней (16) по своему характеру напоминают нам казни, разрушившие Содом, смирившие Египет и поразившие Вавилон по свидетельству Ветхозаветных Писаний. Книга эта, хотя и написанная по-гречески, совершенно еврейская по образному своему слогу.

Многое подчеркивает нам важное значение Откровения и необходимость нашего постоянного и благоговейного внимания к нему. В начале и в конце его (1, 3; 22, 7) особенное благословение обещано читающему, слушающим и соблюдающим слова пророчества этой благодатной Книги.

Определенные показания ожидают тех, которые что-либо приложат или что-либо отнимут от слов книги судов Божиих (22, 18—19).

Печатью и подписью **„Сущего"** запечатлена первая и последняя страница Самим Прославленным Господом. На обеих Он начертал слова: „Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний" (1, 8—10; 22, 13). К первому из этих изречений Он прибавляет слова: „Я есмь... Живой; и был мертв, и се, жив вовеки веков, аминь"; к последнему,—„Я, Иисус... корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя",— Тот, на Котором исполнились все обетования Божии Израилю и язычникам (2 Петр. 1, 19).

Семь раз раздается в этой книге призыв: „Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам" (2, 7, 11, 17, 29; 3, 6, 13, 22; 13, 9). Много раз повторяется слово „Смотри", с целью особенно привлечь наше внимание к „словам пророчества Книги сей"; и изучать Откровение необходимо, говорится нам, в виду близости Пришествия Господня.

Нельзя не заметить одной еще особенности этой книги: символического смысла встречающихся в ней чисел. Это справедливо и по отношению к прочим Свящ. Писаниям, особенно к Пятикнижию Моисея, но бросается главным образом в глаза в Откровении. В 13, 18 доказательством „мудрости" и „ума" называется способность сосчитать число 666 и понять значение его.

Чаще всего встречаются здесь числа 3 и 4 в различных взаимных соотношениях.

3—эмблема Триединого Бога и величайшего дела Божия—воскресения из мертвых.

4—число человеческое и земное, относящееся к природе, управляемой Богом.

7—употребляется для обозначения действий Божиих по отношению к земле и к человеку,—Божия попечения, благодати или суда (3 + 4).

12—или 3 × 4 выражает совершенство заключительных и вечных благих предначертаний Божиих для человека.

Число 6 в Свящ. Писании связано с обозначением наивысших способностей человека, суммы всех человеческих сокровищ, силы и величия людского (Дан. 3, 1; Исх. 14, 7; 3 Цар. 10, 14; 1 Цар. 17, 7 ср. с Иов. 22, 22). В духовном смысле и в виду значения за ним следующего числа 7, число 6 показывает на несостоятельность, обозначает неуспех, несовершенство. Это проливает свет на „число зверя"—666.

Вся книга Откровения написана образным языком, изобилующим знамениями, символами и аллегориями. В первом ее стихе говорится, что откровение было „показано" ап. Иоанну в чудесах и знамениях, значение которых ему часто тут же объяснялось, например, семь звезд и семь золотых светильников 1, 20; семь голов и десять рогов 17, 9—12; семь светильников огненных и семь очей 4, 5 и 5, 6; виссон чистый 19, 8 и 3, 4. Эти пояснения дают возможность понять и прочие символы, и все содержание книги. Отметим, например, разницу между двумя „женами", из которых каждая олицетворяет собою город,—великую любодейцу, представляющую Вавилон (17, 18), и невесту Агнца, изображающую новый Иерусалим (21, 9—10). Такие же пояснения встречаем мы относительно „вод многих" (17, 1), которые представляют собою „людей, народы, и племена, и языки" (17, 15; 14, 2; 19, 6; 13, 1; Пс. 92). В видениях этих мы

находим и много указаний относительно прообразов и фактов, связанных с историей Израиля и Иерусалимского храма; все это требует тщательного изучения.

Даже Сам Господь Иисус Христос, центр и слава этой Книги, редко называется в ней этими именами: Он представляется этим образным языком символически и прообразно (2, 1, 8, 12, 18 и т. д.). Чаще всего он именуется в Откровении **„Агнцем"**.

Имя это встречается и в некоторых других, ранее написанных книгах, в связи с принесенной Христом жертвой и пролитой Им искупительною Кровию (Ис. 53, 7, 11; Иоан. 1, 20, 36; 1 Кор. 5,7; 1 Петр. 18–20), напоминая нам всю совокупность бесчисленных, начиная с жертвоприношением Авеля жертв, во все века прообразно представлявших „Агнца, закланного от создания мира" (13, 8). Его прообразом был агнец, закалавшийся в Пасху, приносившийся в жертвах за грех, в жертвах повинности, всесожжения и в жертве мирной; на него указывали и все ежедневные жертвы, и жертвы, приносившиеся Богу в день субботний, в дни поста и в дни праздники: все они были символами Жертвы единой, полной, совершенной, принесенной на Голгофе за грехи всего мира.

В Откровение **это** Искупление, **эта** пролитая Кровь воспевается с небес и с земли, потому что „Агнец закланный" теперь уже „посреди престола", и небесные воинства восхваляют Его громким голосом, говоря: „Достоин Агнец закланный принять силу, и богатство, и премудрость, и крепость, и честь, и славу, и благословение" (5, 6, 12). Христос—сердце этой Книги; Он же и слава небес; поэтому перечтем с вниманием все видения, в которых упоминается об Ангце—их существует более двадцати.

Откровение есть также книга крайних и поразительных контрастов: в ней содержится описание и дéла Божия во Христе, и коварного подражания Христу сатаны с ожидающим его конечным неуспехом; говорится о Христе Воскресшем (1, 18) и об исцелении смертельно раненого зверя (13); печати, полагаемой „на челах рабов Бога", противополагается „начертание", полагаемое сатаною на правую руку людей (7, 3; 13, 16); „великой блуднице (17, 1)—„невеста Агнца" (21, 2) и т. д.

Следует также отметить борьбу и возмущение ничтожного смертного против Бога и победоносную силу Всемогущего, Который „жив вовеки веков" (1, 18). Земным страданиям противополагается небесная слава; бросается в глаза противоположность между первыми главами Бытия, где, вследствие грехопадения человека, его постигает кара Божия, и заключительными главами Откровения, где говорится о выполнении благих вечных предначертаний Божиих чрез Агнца Божия, „возлюбившего нас и омывшего нас от грехов наших Кровию Своею" (1, 5). **Там**, в Бытии, говорилось о том, что путь к древу жизни человеку был закрыт; **здесь** Древо Жизни, находящееся посреди рая Божия, доступно „победившим" во Христе, а листья его „для исцеления народов".

Это „Откровение **„Иисуса Христа"** указывает, как Бог, по изволению Своему и по непреложности воли Своей, „все небесное и земное соединит под главою Христом" (Ефес. 1, 10). Это совершистя, когда придет „полнота времени" (Гал. 4, 4), когда Сын Человеческий чрез Ангелов Своих „соберет из Царства Своего все соблазны и делающих беззаконие" (Матф. 13, 41).

Все, превозносящееся и восстающее против Бога, как злые ангелы, так и нечестивые люди,—все обречено на истребление; сама природа находится под проклятием вследствие грехопадения человека. Весь мир духовный, нравственный и физический подвергнется испытанию и окажется достойным только суда, огня, смерти и разрушения, на что и обречены непокорные пред появлением нового неба и новой земли. Все враги теперь положены к подножию ног одного законного Владыки. Продолжительная война с миром, плотью и сатаною оканчивается полною победою; истреблен и последний враг—смерть; Господь Иисус Христос провозглашен **„Господом господствующих и Царем царей"**, (17, 14).

Это с славословиями возвещают святые, и ангелы, старцы и великое множество искупленных в 5, 12—13; 7, 10—12—15—17; 11, 15—17; 12, 10; 15, 3—4; 19, 1—6, 11—16; 20, 11; 21, 1—5. „Царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков" (11, 15). Исполнятся наконец слова Давида: „Твое, Господи, величие и могущество, и слава и победа и великолепие, и все, что на небе и на земле, Твое; Твое, Господи, царство, и ты превыше всего, как Владычествующий" 1 Пар. 29, 11).

Заметим еще следующее:

1. В Откровении мы находим характерное описание всякого рода зла в мире религиозном и политическом, в области чувств и в повседневной жизни с той целью, чтобы мы могли избежать его. Нам важно проследить развитие зла в описываемых, видениях в образе лжепророка, зверя, великой блудницы, дракона и т. д., и сравнить все это с личностями Иезавели, Валаама и т. д., о которых упоминается в обличениях обращенных к семи церквам, чтобы мы могли **сохранить себя** от осквернения чем-либо нечистым и греховным. Важно убедиться в великой „греховности" греха и всякого зла, ненавистного в очах Господних и помнить о пагубных последствиях непокорности Богу.

В сетях, которыми в данное время нас опутывает мир, весьма важно найти то зло, от которого нас предостерегает эта книга.

2. Всякий, живущий на небе или на земле, находящийся в море и вдыхающий воздух; всякий—умерший и живой,- будет непременно участником великой грядущей духовной драмы. Пред нами небо, земля и ад. Где именно окажусь я? Каков будет мой удел? Каково также мое отношение к тому, „что теперь есть" (2; 3)? Что пожну я в том, „что будет после сего" (1, 19)? „Ярость и гнев, скорбь и тесноту", или же славу, честь и бессмертие" во Христе Иисусе Господе" (Римл. 2, 7—8).

3. „Господь царствует" (Пс. 92, 1, 4). Хотя зло процветает, народы враждуют между собою, диавол неистовствует; хотя бедствия окружают нас, избранные терпят гонения и истина подвергается нападкам, все-таки „Господь царствует": „паче шума вод многих, сильных волн морских, силен в вышних Господь". „Всевышний владычествует над царством человеческим (Дан. 4, 29), одного человека унижает, а другого возносит.

Мы можем быть уверены, что все предначертания Божии исполнятся „Любящим Бога... все содействует ко благу" (Римл. 8, 28). Вскоре все покорится Ему,—Он „низложит всех врагов под ноги Свои" (1 Кор. 15, 25), и Господь наш Иисус Христос провозглашен будет „блаженным и единым сильным Царем царствующих и Господом господствующих" (1 Тим. 6, 15).

Братья, спросим себя, что дало сошествие Святого Духа этим ученикам? И затем зададим вопрос: может ли оно дать то же самое и нам? Являются ли эти люди исключением, или же примерами для свидетельства о том, что силен совершить Христос? Должны ли мы видеть в этих людях доказательство того, что **иногда** Христос может сделать, или же мы должны смотреть на них, как на доказательство того, что в своей неизменной силе Христос может совершать **всякий** день? Будем верить, что в виду того, что жив Тот же Христос, Который дал Духа Святого, можем видеть на земле и мы таких же христиан, какие были тогда, в дни пришествия Духа Святого.

Вникая в жизнь первых учеников Христа, мы ясно видим, что в жизни истинных учеников может быть две стадии духовного развития. Это очень важно заметить, потому что факт этот является как бы характерною чертою всех Божиих действий по отношению к человеку. Возьмем историю человечества. Мы имеем Ветхий Завет и Новый Завет. Их не один и не три, а именно—два. Почему? Ответ прост: всегда должно быть время подготовления и время исполнения. В христианской религии существуют два действующие лица—Бог и человек; и тайна христианской религии заключается в решении вопроса: что относится к действиям Божиим, и что следует делать человеку? Бог не желает насиловать волю человека, не хочет совершать чудес, не сообразуясь с природным характером человека и с законами, присущими его естеству. Инициатива действий всегда исходит от Бога. Но, даровав человеку известное количество света, благодати и назидания, Бог предоставляет на некоторое время человека самому себе, чтобы он мог применить к делу все, ему Богом дарованное. С какою целью Бог это делает? Чтобы человек убедился в своем бессилии, и затем научился всецело уповать на Бога и всего ожидать от Него. Такова была великая задача Ветхого Завета, а затем настал Новый Завет и открыл человеку исполнение того, что подготовлено было Ветхим Заветом.

То же самое произошло и с учениками Христа. Три года Христос был с ними. Во все это время Он давал им Свои повеления и предоставлял им возможность убедиться в их полном бессилии эти повеления выполнить, несмотря на все их старания. Мы знаем, что ап. Петр был очень предан Христу. Не бросил ли он все свои сети ради Него? Не доказал ли он тем, что, котда Христос сказал ему: «Закинь сети свои для лова» (Лук. 5, 4), и он это сделал по слову Его,—что он хотел Ему беспрекословно повиноваться? Не доказал ли он, что он имел твердую веру, когда он пошел по воде, и что у него было много божественного света, когда он сказал: «Ты Христос, Сын Бога Живого». И Христос сказал: «Блажен ты, Симон, сын

Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Матф. 16, 17). Петр был образцовым учеником, и однако как много в нем было собственной воли! Потому что вскоре после его открытого признания Христа Сыном Божиим, когда Учитель сказал, что Ему должно быть распяту, Петр воскликнул: «Да не будет этого с Тобою». И Христу пришлось сказать ему: «Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Матф. 16, 22—23). Позднее, когда Христос хотел вымыть ноги ученикам, Петр сказал: «Не умоешь ног моих вовек» (Иоан. 13, 8); а когда Христос ему сказал: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною», Петр перешел в другую крайность и воскликнул: «Господи, не только ноги мои, но и руки и голову». Все это показывает, как сильна еще была в Петре плоть и как много в нем было своеволия рядом с трогательною преданностью Христу. Когда же Христос предупредил его, говоря: «Отречешься от Меня», Петр ответил: «Не отрекусь от Тебя» (Марк. 14, 29—31). Какая самоуверенность! И почему допустил Христос падение Петра? Ответ прост и ясен; Петр должен был научиться не рассчитывать на свои силы, должен был убедиться в своем собственном бессилии и увидеть, сколько в нем еще было плоти и ветхого человека при всей его любви ко Христу. Он должен был убедиться, что в нем не живет ничего доброго.

* * *

Плачет Христос. На Голгофе распятый,
Плачет, скорбя, на кресте.
Мир же греховною тьмою объятый
Нужд не имеет в Христе.
Плачет Христос и молитвы возносит
Он за людей палачей:
— „Отче, прости им“,—у Бога Он просит,
Просит за слабых детей.
Плачет Христос. Каждый час и минуту
Плачет Он также сейчас.
Видя наш грех, и неверье и смуту
Плачет о немощных нас.
Плачет Христос... и рыдания эти
В сердце звучат всякий час...
Плачет Христос, что так холодны дети,
Плачет Он, плачет о нас...

Ек. Шостенко.

СОЛНЕЧНЫЕ ЛУЧИ.

Великое совершалось в природе. К окутанной ночной мглой земле откуда-то издалека бесшумно приближалась огромная таинственная птица-заря. Очертания ее еще неясны, и видны только мощно распростертые крылья. Тьма убегала...

У открытого окна, начиная свой трудовой день, молилась девушка. Глубокие глаза широко открыты и обращены к небесам.

С уст девушки горячим полушепотом срывались слова молитвы: „Научи любить Господи!..— Сегодня, как и всегда, Ты еще посылаешь мне свои дары—жизнь, любовь здоровье и свет, живительный солнечный свет!.. А в душу мою ты вливаешь другой незримый свет, и он властно изгоняет оттуда всякую тьму. Благодарю Тебя за это: ведь только очищенное сердце способно отражать лучи **Твоего** света и **Твоей** любви... Ах, как хочется пойти к людям, окутанной таким лучем, согреть хоть одного иззябшего путника, вызвать хоть одну улыбку радости, осушить хоть одну тоскливую слезинку!.. Научи, Господи, научи..."

Закончив свою обычную утреннюю работу по хозяйству, Наташа взяла рабочую корзинку с шитьем и вышла на крыльцо. Хотя вьющийся дикий виноград скрывал девушку от солнечных лучей, но было душно и работать не хотелось.

Усевшись на верхнюю ступеньку крыльца, Наташа положила корзинку подле себя, а сама, глядя в далекую голубую даль, задумалась... На небе ни облачка. Такая прозрачная—эта безмерная даль... А, между тем, в ней кроются сотни и тысячи миров! Наступит ночь, и они засияют своей холодной, яркой красотой. „Звезды светят только ночью",—думала Наташа, „но зато как ценен их свет! Сейчас солнце заливает все своими лучами,—и тепло и светло. Но вот ночью—радуешься каждой маленькой звездочке"...

„И в душе тоже самое", неслись мысли дальше: в бурю, в испытании, в скорби, самый бледный луч вечного Света является утешением и радостью!"

„Чем ночь темней, тем ярче звезды;
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог",

вспомнились Наташе слова поэта.

— Пода-а-айте Христа ради, — неожиданно раздался около Наташи старческий голос. Девушка вздрогнула. Перед ней стоял седой старик; одной рукой он снимал шапку, другой—опирался на палку. Худой армячишко покрывал его плечи, ноги были обуты в лапти. Лицо покрыто крупными каплями пота.

Старик был самым обыкновенным нищим, но что-то дрогнуло в душе у Наташи когда вместе с протянутой рукой к ней потянулся грустный просящий взор.

Наташа пошла в комнату, вынесла кусок хлеба и подала его старику.

— Спасибо, касатка, пробормотал нищий, собираясь уходить.

— Дедушка, остановила его Наташа.—Не хочешь ли холодного молока?

Старик был весь какой-то жалкий. Наташе чувствовалось в нем большое и тяжелое горе, которогон е могли унести годы прожитой жизни. Ей хотелось приласкать старика.

— Садись, дедушка,— и Наташа, взяв старика под руку, усадила на крылечке, — а я сейчас... Через несколько минут нищий с жадностью пил холодную влагу, мокая в кружку свои длинные усы.

Пока он пил, Наташа заметила на его обнаженной голове несколько подозрительных болячек. От полузастывшей густоватой жидкости волосы вокруг них слиплись. Наташа незаметно наклонилась: от больной головы несся тяжелый запах.

— Ты издалека дедушка?—спросила она.

— Издалече, родная. Да из дому то я запамятовал, когда и вышел.

— Что ж, у тебя семья есть, дети? — продолжала спрашивать Наташа, и скоса поглядывая на его голову. — „Надо бы промыть", пронеслось в голове, „но ужасно неприятно"...

— Была и семья, были и дети,—сухо отвечал старик. Но Наташе хотелось поговорить с ним. — А как зовут тебя?—спросила она снова.

— Митричем, вот так и зовут.—И старик, опустив в кружку ломоть хлеба, продолжал свою трапезу.

„Вода теплая есть,—почему бы не помыть?" — настойчиво сверлила мозг Наташи все та же мысль". „Брезгаю?"

И вдруг она вспомнила из прочитанного утром у одного из любимейших апостолов, Иоанна: „Станем любить не словом или языком, но делом и истиной".—„Стану и я любить **делом и истиной**", решила Наташа.

— Митрич, — спросила она,—что,— болят у тебя эти болячки на голове?

Митрич посмотрел на нее своими пытливыми глазами, промолчал с минуту потом сказал как то мягче, чем говорил прежде:

— Зудит, милая. Болеть—не знаю, не болит, но зуди-и-ит... Давно это, девушка, у меня; по-перву была маленькая болячка, одна, а теперь их много.

— А хочешь—я тебе промою их, и мазью хорошей намажу?—ласково спрашивала Наташа.—Легче станет. Митричь встрепенулся, положил даже хлеб на ступеньку, и спросил Наташу: — А мазь то твоя поможет?

— Поможет, дедушка, радостно и уверенно ответила девушка. — Я сперва вымою голову водой, потом намажу ее и на дорогу тебе мази дам.

— Помой, милая, помой,—согласился старик.—Зудит...

— Митрич заторопился. А Наташа тем временем побежала за теплой водой.

„Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога",—звучало в ее душе.

Несколько раз промыла Наташа голову Митрича, осторожно выстригла волосы вокруг больных мест, намазала мазью и завязала голову чистой тряпичкой.

— Вот, дедушка, вечером будешь ложиться спать, — не забудь мазать мазью. Возьми коробку, здесь ее тебе надолго хватит.

— Спасибо, касатка; уж какое ты мне облегченье доставила. Как не своя—другая голова теперь! — радостно благодарил Митрич, бережно укладывая в сумку коробку с мазью.—Не забуду, голубка, тебя. Ну прощай, родная...

— Прощай, дедушка! Старик вышел за калитку. Наташа видела, как старое сморщенное лицо светилось счастьем, и волна радости заливала ее душу.

На повороте Митрич обернулся и, глядя на Наташу слезящимися глазами, притливо закивал головой.

„Другая голова теперь"...—вспомнилось Наташе.

„И совсем другое лицо"—добавила она про себя.

А вечером, укладываясь спать, обласканный лучем любви, Митрич молился Богу-любви

— Отче наш, благодарю тебя, что и я, Твое создание, гнойный и смердящий, не забыт у Тебя...—и на иссушенную землю из глаз Митрича падали горячие слезы.

Наташа оторвалась от работы, чтобы узнать, отчего так горько плачет маленький Васька, семилетний сын соседки.

— В чем дело, Васютка, почему ты плачешь?—подходя к нему спросила Наташа. Мальчуган поднял на нее свое плачущее личико, обрамленное космами рыжих волос.

— Лавочник не берет обратно, — всхлипывая, говорил он.

— Чего не берет обратно? — не понимала Наташа.

— Мать послала в лавку, сказала купить на 20 копеек синьки, а я купил ситного,— и, показывая на ситный, он еще горше залился слезами. Раньше он очень любил ситный, который был одним из его любимых лакомств. Но теперь он ненавидел его, потому что мать его жила в нужде и истраченные 20 копеек почти составляли ее полудневный тяжелый заработок. Положение было безвыходное, потому что матери нужна была синька, а лавочник не брал ситного обратно.

— Эх ты, дитятко, обнимая мальчугана, сказала Наташа. — Если твое счастье зависит от двугривенного, то как легко можно осушить твои слезы! Не плачь, Васютка, вот тебе 20 копеск, беги скорее в лавку, — небось мать ждет не дождется синьки...

Васютка крепко зажал монету в руке. Забыв даже поблагодарить, и прижимая к себе злополучный ситный, с счастливым от неожиданного исхода лицом, Васютка вприпрыжку побежал к матери.

Вечером Наташа зашла к знакомой учительнице. Разговор не клеился, Виктория Николаевна была чем-то подавлена. Впрочем, это бывало с нею часто.

— Отчего вы всегда такая грустная, Виктория Николаевна, — осторожно спросила Наташа.

— Будешь грустная, Наташа.. И потом — ты ошиблась. Я не грустная, а просто озлобленная. Я давно поняла это, но от этого мне стало только тяжелее. Пойми, я в своей недолгой жизни не видела радости... Рано лишилась матери, с мачехой мы обоюдно ненавидели друг друга. Затем—смерть отца, нищета, пожар, в котором мы лишились всего. Жизнь в доме мачехи становилась все тяжелее... Наташа, ты думаешь, я всегда такая

была? Ты думаешь, я не мучилась, когда ненавидела мачеху, лгала ей, везде беспощадно клеймила ее?.. А ее ужасная семья... О, какая это была бездна!.. И так каждый день, каждый день... Потом, Наташа, я полюбила, и отдала этой любви все самые свежие, нетронутые силы своей души. Но как скоро ушел из моей жизни этот луч, чуть-чуть согревший мое усталое сердце... Как скоро был обнаружен обман!.. Потом... ты помнишь, Наташа, что было потом?—Стыдно и жутко вспомнить. Я падала в бездну зла все глубже и глубже, как-то легко отдавалась засасывающему меня пороку... Но вдруг — остановилась. Уж очень гадко было. Где-то на дне души слабо звучала какая-то струнка,— хотелось послужить кому-то, свершить подвиг во имя чего-то... Хотелось хоть как-нибудь осмыслить свое существование... Поступила учительницей. Но душно, душно, Наташа, темно и беспросветно!.. Что я дала жизни хорошего? Что получила сама от нее? Проклятья, проклятья я шлю ей!..“ Глаза Виктории Николаевны гневно сверкали.

— Погодите, Виктория Николаевна,—мягко сказала Наташа.—Не нужно так ожесточаться, не нужно, милая.

И обняв тоскующую женщину, Наташа стала говорить ей о том, что есть свет, есть простор, что душа ее сейчас в оковах зла, безумно мучается в них, но с каждой попыткой сбросить, ощущает тяжесть их еще мучительней.

— И не сбросить их никогда, говорила Наташа. — Есть Один, Который смертью приобрел власть разрубить эти оковы и дать выход пленнице-душе к истине и свету.

— Кто это?—вся встрепенувшись, спросила Виктория Николаевна.

— Иисус Христос! — был ответ.

— Иисус Христос... — разочарованно протянула Виктория Николаевна. Христос — миф детей и стариков. Наташа зажглась новым огоньком, и убежденно заговорила:

— Он миф для тех, кто никогда не испытал или не хотел испытать Его любви и силы. Но для меня, Виктория Николаевна, Он—живая действительность. Миф не может быть доказан фактами, а действительность — не действительность, если она не имеет доказательств. Вы помните меня несколько лет тому назад? Достаточно только добавить к тому, о чем вы сказали: „Жутко вспомнить“,—что я не отставала от вас. Я так хорошо понимаю вас, Виктория Николаевна! У меня запросы души тонули в таком же глубоком океане безысходности, как и ваши. Но вот Христос, Которому я рассказала всю тоску мою, разорвал мои цепи, успокоил, непонятно изменил мою внутреннюю природу и дал столько свету, что мне совершенно ясен путь, по которому я иду — в мельчайших подробностях. Мне так ясно теперь, как использовать жизнь. Потом,—я знаю, куда я иду! Это необыкновенное, сверхъестественное, божеское—дано мне прикосновением ко Христу!

Низко наклонив голову, вслушивалась в горячие слова Наташи Виктория Николаевна. Наташа говорит правду. Виктория Николаевна знала ее раньше и теперь. „Почему я раньше не вгляделась в нее?“ — спрашивала она себя. „Ведь она действительно так ярко переменилась. И не только это — она вся преображенная, и точно какие-то светлые лучи исходят от нее...“

Поздно вечером, оставшись одна, Виктория Николаевна стояла на балконе своего дома и смотрела в небесную высь. Звезды ярко и приветливо сияли над землею, застывшей в немом созерцании красоты ночи.

Что-то великое охватывало взволнованную душу Виктории Николаевны.

Напряженно всматриваясь в темноту ночи, она шептала:

— Ты есть! Не может быть, чтобы Тебя не было... Наташа говорит, что Ты—Создатель вселенной... что и земля и небо, ночь и солнце — Твои... Ты преобразил ее; она говорит, что Ты успокоил ее. О, успокой и меня, пошли мне хоть один слабый луч того света, которым Ты осветил ее жизнь! Пошли...“

Виктория Николаевна закрыла залитое слезами лицо и со стоном упала на колени.

Никогда в жизни она еще не ощущала так близко от себя присутствие живого вечного Бога. Он пришел на призыв ее истерзанной души с дарами Своей любви; на ее раны Он пролил елей утешения. Он простил ей все прежние грехи, которые она с жгучим стыдом исповедывала Ему. А вместо страшной тьмы Он озарил душу ее светом. И совершенно новая молитва вознеслась из глубины души ее к престолу Божьему—молитва благодарности. Виктория Николаевна молилась так в первый раз.

Вместе с утренней зарей для нее занималась и заря новой жизни...

Так согревали тоскливую землю лучи Божьего Солнца любви.

А. Ш—о.

РАДОСТНОЕ ПИСЬМО.

Все мы знаем, что Евангельское движение началось в 60-х годах прошлого столетия в разных местах России и между прочим в С.-Петербурге, где уверовали и стали распространять Евангелие многие лица из аристократических кругов общества.

Если декабристы стремились к достижению политических свобод для народа, то первые деятели евангельского христианства имели своею целью путем проповеди Евангелия восстановить свободное и действенное христианство первых веков на место мертвой официальной церкви.

Выдающимися деятелями того времени были—В. А. Пашков и М. М. Корф.

Но сторонники реакции и охранители мрака в лице тогдашнего Обер-Прокурора Победоносцева с самого начала воздвигли гонения.

Первою жертвою этих гонений сделались В. А. Пашков и М. М. Корф, которые в 1884 году были высланы из пределов России.

В. А. Пашков скончался за границей, а о М. М. Корфе мы почти не имели никаких сведений до сих пор.

Но вот, неожиданно мы получили от бр. Корфа одно письмо личное, а другое—общее ко всем братьям и сестрам, проживающим в СССР.

Эти письма доставили нам большую радость. Из них наши читатели узнают, что бр. Корф, изгнанник из России, здоров и крепок и что находясь в большой нужде, все-таки продолжает проповедывать Евангелие среди русских, проживающих в Швейцарии.

Читая его эти письма, полные бодрости, веры и надежды, трудно подумать, что пишущему 85 лет и что он живет в тяжких материальных условиях. Но как приятно читать строки, написанные одним из ветеранов-борцов за свободу совести в России.

Наши сердца полны самых горячих пожеланий, чтобы Господь продлил дни жизни нашего брата и дал бы ему сил и впредь свидетельствовать о любви Божией, в которой нуждаются все люди.

И. С. П.

ДОРОГОЙ БРАТ ВО ХРИСТЕ
ИВАН СТЕПАНОВИЧ!

Давно собирался я Вам писать, но в мои годы (в июле, если Господу угодно, будет мне 85 лет) не всегда это возможно. Здесь, в Швейцарии Спаситель наш дает мне работать с дорогими соотечественниками, и я могу с радостью видеть, что многие приходят на наши собрания и переходят от тьмы в чудный свет Христов.

В настоящее время мы (моя дорогая жена и дочь) здесь, в Туне. Мне необходим был отдых, но, приехав сюда, я заболел; теперь, благодарение Господу, мне лучше и я надеюсь вскоре начать собрания и личные посещения русских в Лозанне.

Переживаем земное наше странствование под дивным покровом и попечением Иисуса Христа. Мы потеряли все и не имеем **ничего;** но Господь не оставляет нас, и добрые люди дают нам возможность существовать. Мы учимся жить со дня на день и быть довольным, зная, что из рук Спасителя нашего никто нас не похитит.

Посылаю Вам на память мою фотографию. Прилагаю при сем еще письмо дорогим соотечественникам, братьям и сестрам во Христе. Оно вырвалось из сердца; Вы можете его сократить. В мои годы на многое сил не хватает, но могу за все благодарить Господа и радоваться Его пришествию.

С искренним братским приветом остаюсь любящий Вас брат во Христе

М. Корф.

Иисус сказал: „Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком".—Иоан. 10, 10.
„Пребудьте во Мне, и Я в вас".—Иоан. 15, 4.

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ ВО ХРИСТЕ ИИСУСЕ!

Старый брат ваш не забывает вас, с которыми я разделен только земным пространством; любовь моя к вам остается неизменной.

Со времени изгнания моего из дорогого отечества я постоянно возношу искренние молитвы за вас, имена которых Господь знает. Хотя мне в июле минет, если Господу будет угодно, 85 лет, но Спаситель мой дает мне еще силы возвещать Его любовь и верность. Будем вместе ждать Его пришествия, когда Он явится на облаках взять Свою невесту, состоящую из всех искупленных драгоценною Его кровию. В мои годы я сердцем не постарел, и Господь дает мне силы—духу, душе и телу—прославлять Спасителя нашего и работать здесь, в Швейцарии, между нашими дорогими соотечественниками. Христос **Тот же** вчера, сегодня и вовеки, и Он дивно выводит ищущих спасения из тьмы в чудный Свой свет, и дозволяет мне быть свидетелем рождения свыше. Многие, не только наши дорогие соотечественники обращались ко мне, но и другие из проживающих здесь. Господь меня в моей немощи посылает к больным. Я возлагаю на них руки по указанному Господом в ев. Марка 16, 38 и других местах Свящ. Писания, и исцеляет их Иисус. Уверен, что и между вами проявляются те же чудеса. Ведь мы находимся в полной зависимости и в полном распоряжении в руках нашего Спасителя и потому нам очень важно **„Пребывание во Христе".** Об этом святом пребывании хотел бы побеседовать с вами, потому что Господь непрестанно указывает мне на важность этого повеления.

В этом слове Иисуса Христа я вижу повеление: „Пребудьте во Мне и Я в вас" (прочтите Иоан. 15, 4 и 5). Эти слова, кажется, всякому известны и несмотря на то я немногих встречал христиан, которые в ежедневной обыденной жизни пребывали бы во Христе и от которых распространялось Христово благоухание (2 Кор. 2, 14—15). Ведь не напрасно Слово Божие называет верующих христиан: „мы Христово благоухание Богу"... (2 Кор. 2, 15). Отчего же не часто встречается это „благоухание"? Я полагаю—потому, что еще мы не научились быть Мариею и находиться „у ног Спасителя нашего и слушать Его слова". Спаситель сказал Марфе: „Ты заботишься и суетишься о многом; а **одно только нужно. Мария же избрала** благую часть, которая **не отнимется у ней** (Лук. 10, 39—42). Я полагаю, что мы не научились подчиняться Духу Святому настолько, чтобы находиться в постоянном молитвенном настроении, и слабостью нашей веры препятствуем пребыванию Христа в нас.

Причины сему различны; я приведу только некоторые:

Наш старый человек еще жив, не распят Христу, Гал. 2, 19 ап. Павел сказал: „Я сораспялся Христу". На это мне говорят—это мог сказать только Апостол. Я отвечу словами ап. Варнавы и Павла, которые сами сказали: „мы подобные вам человеки" (Деян. 14, 19). Важная причина, почему мы не можем пребывать во Христе, есть та, что мы еще не умерли со Христом (Кол. 2, 20), и не можем сказать, что мы еще не умерли и что жизнь наша сокрыта со Христом в Боге (Кол. 3, 3). Часто встречаю непоследовательность в жизни христиан. Так, например, один говорит: жизнь моя сокрыта со Христом в Боге, а спросите его: следовательно, вы почитаете себя **умершим** и ежедневно вы умерщвляете земные члены ваши? (Кол. 3, 3, 5). В ответ он признает, что его старое „я" еще живо. Доколе мы не расстались с нашим прежним хозяином и не держим его под победоносною Кровию Иисуса Христа, мы не можем вкусить блаженства постоянного пребывания во Христе. Христос хочет быть собственником и владельцем всего нашего сердца, а мы должны остаться Его крепостными.

Муррей в своей прекрасной книге: „Пребывайте во Христе" поставил вопрос: могут ли верующие постоянно пребывать, возможно-ли достигнуть того, чтобы здесь на земле находиться в беспрерывном общении со Христом? Ответ его был: **нет,** это **невозможно** было бы, **если бы это** пребывание **от нас** зависело и чрез **нашу силу** должно было быть выполнено; но он прибавил следующее слово Божие: „человекам это невозможно, Богу же все возможно" (Матф. 19, 26). Человеческой власти или силе это **положительно** невозможно, но Богу же все возможно. Приведу к этому только два изречения из Свящ. Писания: „Я хранитель его, в каждое мгновение наполняю его, ночью и днем стерегу его, чтобы кто не ворвался в него" (Ис. 27, 3). „И будет Господь вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои, и ты будешь, как напоенный водою сад, и как источник, которого воды никогда не иссякнут" (Ис. 38, 11).

Мы слишком привыкли рассчитывать на самих себя, и вера наша не есть та, которая может горы переставлять; переставлять горы встречаемые в нашей внутренней

жизни (Матф. 17, 20). Для пребывания во Христе, наша вера должна постоянно быть **в настоящем времени.** Мы не можем сегодня жить тою верою, которую мы имели вчера. Верблюд может иметь в себе **запас воды,** но для веры у нас нет такого места; вера должна быть всегда **в настоящем времени.**

Братья и сестры! Относительно веры нашей, мы должны самих себя испытывать: в вере ли мы. „Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть" (2 Кор. 13, 5). Я сам должен иметь веру, сам должен знать, Христос ли во мне? Даже ближайший наш друг не может за нас верить. Потому будем испытывать самих себя: живет ли в нас Христос? Если это есть действительность и мы в Нем пребываем, то наш „ветхий" человек не будет над нами владычествовать. Владычество имеет Христос и мы будем с великой радостию повиноваться и покоряться Его святой воле.

Объяснить или дать совет—как привести в исполнение это святое пребывание во Христе на словах невозможно; но каждый, рожденный свыше, может осуществить эту великую тайну, превосходящую разумение любви Христовой (Ефес. 3, 14) и „все почитать за сор, ради превосходства познания Христа Иисуса Господа нашего" (Фил. 3, 8).

Какое таинственное **блаженство**—пребывание во Христе. Это состояние остается тайной, но ее можно получить только от Самого Иисуса Христа. Он ее дарует, и Он один дозволяет ее осуществлять; **никто иной.**

„Благодарение Богу, который всегда дает нам **торжествовать во Христе** и благоухание познания о Себе **распространяет нами во** всяком месте" (2 Кор. 2, 14). „И так, кто во Христе, тот новая тварь, древнее прошло, теперь **все новое**" (2 Кор. 5, 17).

Как старый ваш брат во Христе, позвольте мне дать вам один совет: не будем ставить поведение каждого из нас в зависимость от примеров поведения других христиан, чтобы сатана не шепнул бы нам: „Ты видишь, как хромают даже почитаемые христиане; ведь и ты не безгрешный, и ты можешь себе позволить то или другое". Таким образом лукавый желает, чтобы ты извинил поступок, который твоя чистая совесть, собственно, не может допустить в храме Божием: „Разве не знаете, что **вы храм Божий,** и Дух Божий живет в вас?" (1 Кор. 3, 16).

Лукавый умеет соблазнять и прельщать детей Божиих. Так, например, Он подшепнет нам: „Не будь столь строгим к самому себе; ведь ты не отшельник, ты живешь еще в мире земном" [1]) и склоняет на компромиссы (т. е. на уступки), чтобы отвлечь нас от пребывания во Христе. На эти лукавые слова мы отвечаем: „Тот, Кто в нас—**больше** князя мира сего, и **победил** лукавого"; и когда лукавый увидит, что в нас Христос, то он отойдет, ибо он не может противостоять Тому, Который его победил.

К пребыванию во Христе приведу один пример из моей жизни, который наглядно показал мне всю силу постоянного общения со Христом. Идя однажды по улице одного большого города, я вижу необыкновенное большое число трамвайных вагонов, неподвижно стоящих. Я спросил у одного из кондукторов: „Что случилось, почему все вагоны неподвижны?"—он ответил: „**Связь** с центральной электрической станции **прервана:** вот причина остановки". Как часто, с грустью подумал я, бывает остановка в нашей духовной, внутренней жизни, когда сердечная связь с воскресшим Христом прервана.

Последствие пребывания во Христе всегда имеет грустные последствия: **жизненный застой.** Не забудем, что пребывание во Христе есть наша жизненная потребность, ибо Христос Сам сказал: **„Без Меня не можете делать ничего"** (Иоан. 15, 5). Ап. Павел подтверждает слова Спасителя: „Уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2, 20), „Для меня жизнь Христос" (Фил. 1, 21).

Почему для меня так важно пребывание во Христе? Потому что день Его пришествия приближается и надо, чтобы мы могли **радостно** ждать Его пришествия. Пребывая в Нем, мы осуществляем, что Он не только Спаситель наш, от Бога нам посланный, Который взял на Себя все наши грехи, но и сделался нашим наиближайшим, **никем незаменимым** Другом, с Которым мы дерзаем везде и постоянно находиться в дивном общении.

„Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух, душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Верен призывающий вас, Который и сотворит сие (1 Фесс. 5, 23—24).

Примите, дорогие братья и сестры, сердечный привет от вашего старого брата во Христе, Который остается с вами в молитвенном общении.

Модест Корф.

Швейцария. Тун.
10 февраля 1927 г.

---

[1]) Не забудем, что, **живя** в мире, мы, как **посланные Богом** для свидетельства о спасении грешника чрез искупление Иисуса, **но мы не от мира сего.**

ЧУВАШИ.

Вблизи города Казани, на правом берегу Волги, раскинулась Чувашская область.

Чуваши — народ мало-культурный. Обычный род занятий — сельское хозяйство и ремесленичество.

Сравнительно недавно, часть чувашей приняли православие, т. е. его внешнюю сторону, в душе же остались грубыми язычниками. Так, например, раз в год, в день поминания умерших, на кладбищах устраиваются оргии. На могилы умерших возлагаются пироги, мясо, вина, и в виде выкриков исполняются национальные гимны. Затем, опрокидывается на могилы посуда со всем недоеденным и недопитым.

Умерших хоронят с их любимыми предметами. Суеверие развито сильно. Так, за медицинской помощью обращаются к знахаркам: верят в заговоры, и т. д.

Избушки чувашей не отличаются особенной чистотой. Распространена глазная болезнь—трахома.

Долго к чувашам не проникал евангельский свет, некому было его понести.

В 1911 году, некий чуваш Н. Ф., был послан в Кронштадт отбывать воинскую повинность в Балтийском флоте.

Один верующий матрос засвидетельствовал чувашину о Христе; затем, пригласил его на собрание.

Чувашин, на службе, познакомившись с русским языком, мог понимать, о чем шла речь на собрании.

Не спуская загоревшегося взгляда с проповедующих, сидел чувашин на скамье, и слушал весть об Иисусе.

После того, как он несколько раз побывал на собраниях, у чувашина появилось желание не расставаться с Христом, а обновиться у ног Его.

Вскоре в военной части разнеслась весть о новом исповедании чувашина. Сильное гонение обрушилось на него со стороны генерала Фон-Эссена, грозившего сбросить „еретика“ в море.

Чувашин остался непреклонным, и за „упрямство“ был сослан на корабль „Гремучий“, куда ссылались провинившиеся матросы. Командир корабля встретил его очень недружелюбно, но чувашин продолжал радоваться во Христе.

Наконец, отбывание воинской повинности окончилось, и брат Н. Ф. вернулся на свою родину, к чувашам.

Когда он попал к „своим“, заговорили от избытка сердца уста обращенного к Господу чувашина.

В течение нескольких лет евангельская проповедь среди чувашей была гласом вопиющим в пустыне.

Однажды, Н. Ф. получает повестку с приглашением явиться на собеседование с православным духовенством.

— Что я буду им говорить? — смутившись, подумал чувашин. — Им, которые окончили духовную академию? А я, темный, всеми презираемый инородец!

Однако, положившись всецело на Господа, Н. Ф. отправился дать отчет в своем уповании.

На собеседование собралось много публики.

Духовенство, руководствуясь пособиями по борьбе с сектантством, засыпало чувашина вопросами.

Чувашин, открыв Библию, отвечал текстами на все вопросы.

Слушатели были удивлены. После диспута, народ окружил чувашина и начал просить беседы. Среди собравшихся немало было чувашей.

Появился интерес и стремление к Слову Божию. Начались обращения.

В 1922 году, впервые группа чувашей была приглашена Казанской общиной разделить радость общение Вечери Любви.

Восторженно, с обильными слезами умиления, встретились у ног Христа русские с чувашами.

В 1923 году, впервые их посетил русский брат Ш.

В деревнях Криуши и Ичамлы, когда посетивший их объявил, что он верующий, чуваши заплакали и выразили удивление, каким образом он решил их посетить?

Чуваши не захотели расставаться с русским братом, и решили вместе с ним посетить несколько деревень.

Дорогой на ломаном языке, чуваши рассказывали о своем обращении и с умилением слушали русского гостя.

В Байдуше было устроено торжественное собрание, на котором были проповеди и пение на чувашском языке.

После собрания было преподано крещение на реке. Собравшиеся отнеслись с благоговением, многие были растроганы до слез.

Разбросанные по деревням, верующие чуваши быстро оповестили друг друга о русском госте, и, не считаясь ни с расстоянием, ни с непогодой, явились на зов.

Однажды, является в Казань на собрание чувашин и громко заявляет:

— Я фаш прат, чуфашин, пришел в корот Касань, штоп испытал меня пратья. Крек мой прошен. Дук Святой во мне. Кочу крестить. Я пыл в поле, тумал о Боге и в сердце ратость вошла!

Этот чувашин—самородок, Господь непосредственно ему открыл Себя чрез чтение Слова Божия. После крещения он возвратился в свою деревню проповедывать Христа своей жизнью.

В. Ш.

СООБЩЕНИЯ С МЕСТ.

Бр. К. Нью-Иорк. Америка.—„Двенадцатого февраля сего 1927 г. в нашей Общине Евангельских Христиан был торжественно проведен „Праздник Библии" по поводу напечатания ее в г. Ленинграде.—Праздник, начавшийся в 6 ч. 30 м. вечера, состоял из пения, молитв, чтения Евангелия от Иоанна 1, 1—18 и—проповедей.

Первым говорил бр. И. Н. на тему: „Богодуховенность Библии". Затем—бр. И. И. говорил о влиянии Библии на душу человека. Бр. П. К. выразил радость по поводу того, что Библия теперь доступна всем, а не только ограниченному кругу лиц, как бывало раньше. Далее—бр. Д. в речи своей сравнил Библию с солнцем, под животворными лучами которого зарождается святая жизнь в сердце человека. В заключение—пресвитер Общины бр. О. говорил о том, что Библия, действием своим на самых различных людей в смысле общественного положения и нравственного уровня—всех приводит к братскому равенству.

Окончилось собрание пением „За Евангельскую веру, за Христа мы постоим".

Бр. Б., Крым.—„... Мы возвратились из миссионной поездки и сообщаем вам, что имели много благословений от Господа. Мы встретили несколько новых групп, а в недалеком будущем намечается открытие собраний в новых местах. В армянском районе много душ жаждущих Слова Божия. Во многих местах в течение года группы разрослись в общины и в настоящее время стремятся к постройке своих молитвенных домов".

Оренбург.—„Получив от вас четыре десятисборника, мы обрадовались, что теперь песнь будет литься из сердец и сносить ил греха с людских душ. Но только жаль, что нет в этих сборниках нот и мы ожидаем, что в скором времени вы обрадуете нас выпуском нотных сборников".

Бр. М., Татареспублика.—„Дорогие братья, высылаю вам Евангелие на черемисском языке и от имени Господа прошу ВСЕХ, не найдете ли возможным напечатать несколько экземпляров. Черемисов здесь много, среди них в настоящее время заметно духовное пробуждение, жажда к чтению Слова Божия".

Казань.—„Сообщаем, что в течение года наша церковь приняла 19 членов.—В гор. Елабуге дело Божие загорелось. Заинтересованность публики большая. Обращений еще нет, но есть близкие к истине Христа четыре женщины. Кроме того, там отогрелось несколько душ, охладевших к Господу беженцев и пленных из Германии.—В Чистополе на Троицу принято в общину 26 душ.—11-го июля в Чистопольском районе было преподано крещение 13-ти чувашам, из них—одному почетному 75-летнему старцу и 13-ти—русским".

Село Юрино, Казанск. губ.—„Сообщаю, что собрания продолжаются при большом стечении народа. Членов всего пять, и приближающихся—семь душ".

Бр. З., Самара.—„Я с братом Е. согласились поехать для проповеди Евангелия по нашей губернии.—Когда мы подошли к саням, то тут у нас возник вопрос: „Как ехать продолжительное расстояние на голых досках саней? Кроме того, у нас не было тулупа, а мороз и вьюга были отчаянные. Минут 15 мы стояли в раздумьи, но—возложив все на Господа, решили ехать. Отъехав верст 15, мы остановились в одной избе немного погреться. В избе присутствовало несколько человек и мы открыли беседу на

евангельскую тему, что вызвало величайшее удивление со стороны слушателей. „Как вы, простые мужики, не священники, и читаете Евангелие?"—говорили они нам. Они были весьма удивлены, что Христос умер за них, потому что Евангелия они никогда не читали и о Христе почти ничего не знали.—Мы поехали дальше. Через некоторое время мы остановились на постоялом дворе. Выпив чай, мы открыли беседу среди постояльцев и содержателей постоялого двора. Православные заявили, что мы хорошо рассказываем и верим, да плохо то, что нет икон и заученных молитв. Тут был молоканин, который заявил, что он во всем с нами согласен, да плохо то, что мы принимаем водное крещение и кушаем свинину.—Проехав еще 32 версты, мы встретили группу верующих, которая с большой радостью приняла нас. Тут мы устроили несколько собраний, на которых по очереди перебывали почти все хуторяне. После собраний продолжалась беседа до 2-х час. ночи. Оказалось много жаждущих, и мы с радостью давали живую воду. Через некоторое время начались обращения. Многие с воплем раскаяния обратились к Господу. Некоторые же с страшной руганью по нашему адресу покидали наше собрание.—Таким образом на лошадях мы проехали 400 верст, посетив 10 сел".

Бр. Ж., Ново-Сибирск. окр.—„Дорогие братья, сообщаю вам следующее: служа в Ново-Сибирске я однажды, ради любопытства, зашел на евангельское собрание, и через некоторое время, посетив несколько раз собрание, обратился к Господу. Окончив службу, я возвратился домой, в темную деревню, где ничего не знают о Христе. Тут на меня обрушились соседи и мои домашние, зачем я им принес „новую веру". Но вот, через некоторое время появились жаждущие души и теперь у нас группа в 15 душ. Мы славим Господа и верим, что Он еще призовет к Себе души в нашей деревне".

Бр. Б., Томский окр.—„Я живу в Колпашеве. Посетил детей Божиих, разбросанных по берегам реки Евга. Неровные пути тайги и тяжелые условия передвижения делают общение с детьми Божиими почти невозможным. Но, несмотря на это, в этом году мы имели два раза великую радость: в одно место съехались верующие Нарымского края и имели общение друг с другом, а также ходили с проповедью в другие села".

Бр. Т., Тюменск. окр.—„Сообщаю, что с группой верующих я отправился с благовестием в Шадринский округ, находящийся в 52-х верстах от нашей местности. Мы увидели, что в некоторых местах прошлогодняя работа дала всходы; было преподано крещение нескольким душам. В одном селе уверовало пять семейств. На устраиваемые собрания приехали верст за 40 братья и сестры и нашей радости не было конца".

Бр. П., г. Николаев.—„Дорогие братья, ваше письмо я получил. Вы хотите знать о моей жизни, я охотно вам сообщаю. До 50-ти лет я работал на заводе и был ревнителем самых нехороших дел. Моя жена обратилась к Господу, за что я ее два раза сильно побил, но она своей кротостью победила меня. Я ее бил, а она ничего вопреки не сказала мне, а наоборот, попросила у меня прощение во всем, в чем я нахожу ее виновной. Это меня тронуло и я заплакал. Вскоре, одним верующим человеком я был приглашен на собрание. Идя на собрание, я взял два камня, рещил разбить головы „пашковцам". Но я не знал, что Господь уже приготовил для меня то, что должно было разбить мое сердце. Собрание происходило в частном доме (в Петербурге), потому что царским правительством в то время такие собрания преследовались. И тут, на этом собрании, я обратился к Господу. В великой радости я пошел с своей женой домой. Это было в 1880-х годах. После моего обращения, со стороны власти было воздвигнуто гонение. Много раз сидел в тюрьме и несчетно раз судился за свои убеждения. Но Господь сохранил меня и до сего дня, дал возможность дожить до престарелых лет".

Село Куркино, Тульской губ.—„В нашем селе насчитывается до 600 дворов, но Евангельских Христиан среди нас не было и в данное время нет. Услышав небольшую беседу о Евангелии от гражданина П., мы, слышавшие таковую, горячо приветствовали. Мы с большим жаром желаем услышать более распространенную беседу, а потому просим, пришлите к нам П...".

Бр. Б., Кавказ.—„Сообщаю вам, дорогие братья и сестры, радость моего сердца. Много лет тому назад, я построил трактир и долгое время поил алкоголем людей. В настоящее время Господь, обратив меня на свой путь, удостоил меня великой чести—свой трактир сделать помещением для евангельского собрания и возвещать о любви Господней моим прежним посетителям".

Бр. К. Д., Осетия.—„Я посетил целый ряд осетинских мест. В горах я видал пещеры, в которые ходят молиться осетины. В этих пещерах устраивают жертвоприношения. Недалеко от этих пещер я устроил собрание, на которое сошлись из 6-ти аулов. После собрания обратилось к Господу шесть душ. Далее, переходя из одного селения в другое, стоящее на расстоянии до 35-ти верст, мной были устроены собрания и частные беседы. С группой верующих удалось посетить гор. Моздок, где еще не было ни одного собрания. Устроив подряд несколько собраний, мы видели, как души начали каяться и за короткое время обратилось к Господу 25 душ. Образовалась

группа верующих и теперь открыты регулярные собрания. Во время нашего посещения проповеди, пение и беседы происходили на 3-х языках: армянском, осетинском и русском".

Гор. Крапоткин, Кавказ.—„В продолжение 2-х недель мы устроили 40 собраний в окрестных местах. Господь, желая показать нам, что труд наш не напрасен, обратил Себе многие души".

Осетия.—„В одном из селений, в Дар-Кохе, мы много делали попыток устроить собрание, но по многим причинам нам это не удавалось. Теперь сообщаем вам, что собрание наконец открыто и слушатели относятся благоговейно к Слову Божию".—Во время съезда, из нашей среды вызвалось 15 работников для благовестия в 19 селениях.—Сообщаем, что на-днях через крещение приняли в общину 35 душ.—С нами совершала миссионные походы в горы сестра С., которая мужественно переносила все трудности передвижения.—Брат Чепиров сообщает нам следующее: „Я посетил ингушей. К ним очень трудно подойти с беседой. Но вот, один ингуш пригласил меня к себе на дом. Я рассказал ему о Христе,—он внимательно выслушал и затем сказал: „Я не знаю, кто такой Христос. Я знаю только одного хозяина мира,—это Аллах. Тогда я спросил его, о каких пророках говорит Коран? Он ответил: „О Магомете и Иссе" [1]).—„Вот Исса придет на землю и будет судить живых и мертвых, потому что Он пострадал за всех людей и за магометан", сказал я.—Здесь присутствовало несколько ингушей, которые после беседы были растроганы до слез. Слушатели попросили посетить их еще раз.—Многие в ауле стали говорить обо мне: „Вот у нас появился новый мулла".

Село Александровское, Ставропольск. губ.—„10 лет тому назад образовалась в нашем селе евангельская группа. В окрестности же тогда не было ни одной обращенной души. В настоящее же время наблюдается иная картина. Господь дал силу подвизаться за веру евангельскую и в результате этого труда во многих селах расцвели общины и группы, а в некоторых местах—появились молодые всходы в лице отдельных новообращенных душ".

Донбасс.—„Мы—молодые люди, недавно обратились к Господу и у нас горячее желание—на собраниях декламировать, а подходящих стихотворений у нас нет; есть желание организовать хор, чтобы пением прославлять Господа, но у нас нет регента. Вот наши насущные нужды".

Бр. И., Донск. обл.—„В течение моей 30-летней христианской жизни много пережито. Царская власть постоянно меня преследовала, до 30-ти раз был арестован, приходилось жить то в Финляндии, то на Кавказе, в Варшаве и Владивостоке. Очень часто долгое время не виделся с семьей. Приходилось переживать голод и холод".

Бр. И., Мурманск.—„Прошу, пришлите нашей группе работника. Мы, и окрестные места, нуждаемся в благовестнике. Нашу местность почти никто не посещает. Меня Господь ведет Своим путем. Я поступил на службу по починке телеграфной сети, и вот по пути работы, я много встречал деревень и отдельных душ, которые никогда еще не слыхали живой евангельской проповеди. Насколько хватало сил, я производил духовный посев. Теперь же умоляю вас, пришлите на помощь брата!"

Бр. В., Новгородск. губ.—„Я посетил ряд деревень, прошел верст 100. В первой деревне ко мне явилось человек 20 крестьян и два вечера с большим интересом расспрашивали меня о моем уповании. Путь в следующую деревню был особенно глух и болотист. В одном селе, с первобытным укладом жизни, длилась беседа несколько часов. Здесь никогда не слыхали бесед из Евангелия, а потому засыпали меня разными вопросами. Далее, объехал на лошадях 7 деревень, стоящие на протяжении 250 верст. В одной деревне православный совет церкви обещал дать мне разрешение на евангельскую проповедь в здании храма".

Бр. П., Череповецкой губ.—„Я думаю, что мы постольку можем радоваться обращению одних душ, поскольку жалеем их и страдаем о гибели других. У нас дело Божие идет вперед. На-днях получил письмо из Ч., в котором умоляют меня посетить их. Завтра отправляюсь в путешествие. Придется итти пешком 240 верст".

---

[1]) Исса—Иисус.

Редактор **И. С. Проханов.** Издатели: **И. С. Проханов и Я. И. Жидков.**

Ленинградский Гублит № 36207. Тираж 15.000 экз.—4 л.

Типография Центриздата. Ленинград, Красная ул., 1.

9-й Сибирский Съезд Евангельских Христиан, состоявшийся в 1926 году в г. Новосибирске. Присутствовало до 400 делегатов. Были вынесены постановления о евангелизации всей великой Сибири, с лозунгом: „От деревни—к деревне, от хутора—к хутору, от человека—к человеку".